

фантастическая
история

Книги Олега Измерова
в серии «Фантастическая История»

ДЕТИ ИМПЕРИИ
ЗАДАНИЕ ИМПЕРИИ

МОСКВА, 2013

фантастическая
история

Олег Измеров

Задание Империю

 ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
ИЗ7

Измеров О. В.

ИЗ7 Задание Империи: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 505 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1358-4

Продолжение романа «Дети Империи». На этот раз 1938 год, но снова не наш, а в мире, где большевики потерпели поражение. В России у власти соборная партия, в США — диктатор Хью Лонг, в Германии фюрер готовится завоевывать мир.

Виктор Еремин, инженер из современной России, становится проходной пешкой в игре великих держав за передел мира, не подозревая, что его попадание сюда подстроено спецслужбами из «альтернативного СССР» 1958 года и он сам — часть операции по изменению другой реальности...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Измеров О. В., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1358-6

ПРЕДИСЛОВИЕ

В конце романа «Дети Империи» на судьбе главного героя хотел я поставить жирное многоточие. Дескать, пускай читатель додумывает его пути. Но не тут-то было.

Чем больше страниц выходило из принтера, чем больше исторических трудов было изучено за время работы, тем скорее я убеждался, что альтернативную историю у нас пишут не только фантасты, и не столько фантасты, сколько люди серьезные, то есть историки и сценаристы исторических фильмов. Когда киношные немцы запирают железнодорожный мост воротами, чтобы партизаны не прошли, когда Кировский завод во время блокады Ленинграда выпускает копии ленинского броневика, когда часовые, охраняющие дорогу на даче Сталина, стоят не шелохнувшись, пока в двух шагах от них идет перестрелка с террористами, когда бетонная плита проникает внутрь бронепоезда через его крышу, оставляя ее целой, — такого ни один фантаст не выдумает. Логикой до этого дойти нельзя.

В серьезных исторических трудах тоже можно встретить много забавного — например, в одной книге написано, что американцы поставляли в СССР по ленд-лизу электровозы. На самом деле этого не было. Значит, книга не из нашей реальности!

И все это натолкнуло меня на мысль написать абсолютно честное и правдивое продолжение. Абсолютная честность и правдивость в том, что здесь автор сразу, честно и правдиво признает: это не наша реальность и не наша история. Хотя могла быть и нашей. Это у Виктора Суворова алюминиевого паровоза не могло быть никогда, это противоречит физике, а та история, которую читатель увидит в книге, — вполне, хоть и очень уж она странная и необычная.

Да, и романы главного героя с красивыми женщинами, спецслужбы наши и не наши и прочее в продолжении, конечно, будут. Сталин будет обязательно. Раз уж сам Сид Мейер в игрушке «Цивилизация» определил, что у русских вождь Сталин, то это наш бренд форева, то есть навечно.

Ну не будем затягивать. Вперед, в честную и правдивую не нашу историю!

Часть первая В АТМОСФЕРЕ СТРАХА И ЖАСМИНА

Мифология во все века одерживает верх над историей. Простой, логически связный и созвучный настроению обывателя миф всегда ближе широкой аудитории, чем занудное разбирательство в противоречиях и закономерностях реальной эпохи.

Чарльз Стинсон. Как завоевать страну без единого выстрела. Служебное издание USS, NY, 1956 г.

Глава 1 МИР ДИЗЕЛЬПАНКА

«Оба-на! — подумал Виктор, оглядываясь. — Ну я и залетел...»

Виктор Сергеевич Еремин не был новичком в перемещениях по времени и реальностям. Все началось с того слякотного февральского утра, когда он вошел в здание вокзала Орджоникидзеград и оказался там же, но в 1958 году, причем в несколько иной истории, где, как выяснилось, живы и Берия, и Гитлер, и Вторая мировая еще не началась, а только собиралась и обещала быть ракетно-ядерной. На тот раз все кончилось хорошо — и довелось принять посильное участие в раздувании назревающего апокалипсиса, и выбраться удалось целым и невредимым. И вот спустя несколько месяцев он сам сунулся в точку перехода, в благородном порыве устранить одну случившуюся в его мире несправедливость.

Итак, была вторая половина июльского дня, и он стоял на площади большого села. Площадь, судя по деревянным прилавкам с навесами над ними, оказалась рыночной. Асфальта не наблюдалось — утоптанный суглинок покрывал толстый слой пыли. Где-то неподалеку репродуктор транслировал русские народные песни в исполнении хора.

В зависимости от степени удаленности от райцентра это могло быть время до конца шестидесятых. Впрочем, так казалось лишь до тех пор, пока не поднимешь взгляда.

По краям площади тянулись одноэтажные бревенчатые хаты с высокими крышами, покрытые тесом и дранкой. На одной из них, что стояла прямо перед Виктором, над входом висела большая вывеска «Чайная», а чуть пониже — «Все свежее» и «Мух

нет». На хате рядом висело: «Скобяная торговля Крестовского», — с добавлением вывески поменьше: «Велосипеды, электрика, радио здесь»; на хате с другой стороны от чайной: «Потребительское общество «Прогресс» с перечнем «Мануфактура, спички, мыло, посуда...» — дальше Виктор читать не стал. Чуть дальше — вывеска сапожника...

«Это у них, никак, нэп. То есть середина — конец двадцатых. До сорок первого же в другой реальности вроде ничто не менялось?»

Виктор обернулся и почувствовал, что совсем новая реальность не оставляет от его предположений камня на камне.

Прежде всего он увидел одноэтажное кирпичное здание серого цвета в стиле довоенного конструктивизма, новое или недавно отремонтированное, по фасаду которого шла надпись рубленым шрифтом, широко расставленными буквами: «У П Р А В А».

Наверху, на некоем ступенчатом подобии портика, красовался барельеф в виде огромного двуглавого орла, а ниже висел черно-желто-белый флаг, т. е. флаг цветов императорского дворцового штандарта, а не привычный Виктору бело-красно-синий триколор. Вывеска поменьше на управе гласила: «Почта—Телеграф—Телефон—Радио». Возле деревянного палисадничка, за которым пышно цвели кусты жасмина, стояла лошадь с извозчиком. По левую сторону от управы высился кирпичный дореволюционный дом со сводчатыми перекрытиями окон и вывеской «Роснарбанк», на фасаде которого красовалась реклама такого содержания:

Хочешь — сей,
А хочешь — жни,
В «Роснарбанк»
Кредит возьми!

Дальше реклама описывала возможности приобретения лошади, коровы, велосипеда в кредит и лизинга сельхозорудий. Плакат рядом призывал складывать деньги не в кубышку, а в тот же Роснарбанк: «Рубль положишь, а возьмешь рубль с копейками». Еще одну сторону площади составляло двухэтажное бревенчатое здание с вывеской «Клуб. Кино. Читальня. Танцы. Дальновизор». На фанерном щите висела афиша «Последний из могикиан. Звуковая фильма по роману Ф. Купера».

Но центральное место на площади занимала все-таки деревянная церковь, на которую он поначалу не обратил внимания, — церковь, она и в советское время выглядела так же. Правда, она была действующей и ухоженной, заботливо выкра-

шенной в белый и голубенький цвет, но доводилось видеть и такое. Как и народ у церкви.

И еще Виктор заметил, что репродуктор на столбе угловатый и довоенный, машин не видно, зато есть пара телег и пролетка. Мирно бегающих по прилегающим улицам кур и колодца с воротом он в расчет не принял — оно и сейчас в деревне будет. Где-то за поворотом мычало стадо коров.

Либо Первой мировой и революции не было, либо в Гражданской здесь победили белые. Но это Виктора само по себе еще не так смущало, хотя изменение расклада политических сил было чревато непредсказуемым изменением системы — от демократической республики до диктатуры и репрессий, которые белые могли осуществлять ничуть не хуже красных. Впрочем, виселиц на площади не замечалось, и это вселяло некоторый оптимизм. Больше же всего из увиденного Виктора удивило декларированное присутствие загадочного дальнови́зора в очаге культуры. Если сие есть телевизор, то вкупе со звуковым кино это указывало минимум на тридцатые, но в такой глуши?.. Или же Россия сделала при белых или монархии небывалый рывок вперед, оправдав мечты демократов, или это тот же 1958-й и она дико отстала, оправдав тем самым уже прогнозы коммунистов.

Тут он подумал о том, что в своих размышлениях упустил из внимания местное население. А народу, надо сказать, на площади было достаточно, и производил этот народ несколько странное впечатление, как будто Виктор попал в кадр фильма сталинского периода с лакировкой действительности. Практически все были одеты нарядно, женщины в ярких платьях и платках, мужчины в чистых белых рубахах и начищенной обуви, причем в основном не в сапогах, а в ботинках. Большая часть местных дам — в туфлях, правда на низком каблучке, надетых на короткие светлые носочки. В совокупности с длиной платьев существенно ниже колен, несмотря на теплую погоду, это указывало опять же на тридцатые—сороковые. Но однозначно: судя по одежде, этот народ ни на сенокос, ни на прополку, ни на ферму не собирался.

Виктор сообразил, что самое простое в этой ситуации — сходить на почту и посмотреть число (наверняка там и свежие газеты есть). Или же в читальню. Но реализовать свои планы он не успел, потому что к нему подошла девушка на вид так лет шестнадцати-семнадцати, с короткой стрижкой по нэповской моде, в светлом простом платье и босиком, и сказала:

— Здравствуйте! Вы случайно не землемер будете? Не в товарищество «Моган» на межевание приехали?

— Нет, — ответил Виктор, — к сожалению, я не землемер, не

агроном и не врач. Могу учителем в школе, если, конечно, ученики шалить не будут. Читать и писать умею.

— Я тоже умею, — отвечала девушка. — Семилетку я в этом году закончила, по сокращенной, а младшие сестры по полной заканчивать будут. Жаль, что вы не землемер. Мы от товарищества с дядей Тихоном за ним приехали, на бричке, вон она стоит, а его нет. Задержался, видать.

— Жаль, что я не землемер.... А на чем тут в Брянск можно уехать?

— Разве что на извозчике до разъезда, а там на поезд. Или же если кто едет в ту сторону.

— Понятно. Спасибо.

— Да за что ж спасибо? Были бы вы землемером — привезли бы вас, угостили по-нашему, отдохнули бы с дороги, чай, не близко сюда ехать... А так и «спасибо» не за что.

— Да. Жаль, что я не землемер.

Виктор уже начал всерьез подумывать, не прикинуться ли землемером, но решил, что слишком рискованно. «Еще не вечер, — решил он. — Может, получше варианты найдутся».

Динамик на столбе поперхнулся, защелкал, затрещал и зашипел, и после нескольких минут прокашливания из него граммофонным тоном бодро полилась мелодия «Тайги золотой».

«Как, у них тоже это фильм вышел? Или просто песню написали? А чего, могли и без фильма. Приятный слоуфокс».

Виктор убил еще пару минут на то, чтобы послушать знакомый красивый мотив, вселяющий надежду на то, что он не один в этом мире и в мире этом все-таки можно найти что-то такое, за что можно уцепиться. Все остальное, хотя знакомым и выглядело, но все же каким-то не таким, и навевало навязчивые мысли о дизельпанке. Кроме того, инструментальное вступление, такое же мощное, как и в советском варианте, сразу влило в него силы; ему даже на миг показалось, что он, как во сне, раскинул крылья и поднялся в жаркую высь раскаленного июньского неба, увидев с высоты эти избы с огородами, эту площадь, квадратики полей и зеленые мягкие покрывала леса. Он решился действовать, шагнул вперед, и...

«Блин, так фильм-то в тридцать седьмом году вышел. Это что же тут — конец тридцатых? И как тут с поисками шпионов, вредителей и врагов народа? Ну, еще должен быть энтузиазм, но это как-нибудь переживем. А вот угодить в число троцкистско-бухаринских извергов... или здесь их называют ленинско-сталинскими? Тут же белые. А у них кто за «доблестную сталинскую разведку»? Про это вообще никакие учебники не расскажут».

Из динамика донеслось что-то стилизованное под испанский танец.

— Если вы едете в Брянск, то нам по пути.

Виктор обернулся. Перед ним стоял молодцеватый офицер средних лет в форме синего цвета с капитанскими погонами и портупеей. Из кобуры выглядывал знакомый по предыдущей реальности полицейский «вальтер», только более ранней модели. Темные, чуть с проседью волосы, лермонтовские усики и бакенбарды, неглубокий шрам наверху левой щеки («На дуэли, что ли?») и, в общем, доброжелательное выражение лица.

— Штабс-ротмистр Ступин, губернское жандармское управление.

Глава 2 СЕРЫЙ АВТОМОБИЛЬ

«Ну вот и компетентные органы появились. Доторчался. Сейчас скажет: «Следуйте за мной»...»

— Еремин, Виктор Сергеевич... Инженер-механик.

— А меня — Александр Семенович. Я ездил в этот малость забытый прогрессом уголок по делам, и у меня в автомобиле есть свободное место. Могу подвезти. Все равно тут долго добираться.

— Большое спасибо. Право, не знаю даже, как вас благодарить. Я только что думал, когда удастся отсюда попасть в Бежицу.

— Пустое, сударь. Я как-то подсчитал, что современный автомобиль возит не столько пассажиров, сколько самое себя. Возможно, когда-нибудь в будущем их научатся делать легче, я слышал о таких проектах. Шофер сейчас должен подъехать.

— Спасибо... А вы просто Шерлок Холмс. Как вы догадались, что мне надо в Брянск?

— Нет ничего проще. Судя по обуви, вы из тех мест, где улицы мощенны брусчаткой и гудроном, хотя и любите путешествовать — об этом говорит то, что вы выбираете обувь на толстой подошве и чистите ее сами... Ну и потом, я угостил леденцами девушку, с которой вы только что беседовали, и расспросил.

— Гениально. Кто владеет информацией, тот владеет всем.

«Попробовать увести разговор в сторону».

— Хороший афоризм. Не слышал...

— А здесь какое-нибудь громкое дело? А то так ходишь по улицам и не подозреваешь, что рядом могут оказаться какие-нибудь заговорщики или даже хуже. Знаете, у меня есть

один недостаток: я по старой привычке весь живу в мире техники, а вот насчет политики, особенностей момента — недостаточно уделяю внимания. Признаю, конечно, и стараюсь по мере исправить.

— Да, я заметил, что вы немножко замыкаетесь в своем мире... Даже сказал бы, что живете в мире ином.

— Мире фантазий. Вы наблюдательны.

— Но, может, это и к лучшему. А моя командировка... Уверяю, ничего интересного. Хотя предмет оной в духе авантюрного романа: убийство офицера в некоей воинской части. Взводного, поручика Гастолина, танкиста. Но по сути — ничего особенного: бедняге надо было вовремя разобраться в своих личных связях.

— В мирное время... Печально.

— Знаете, на войне тоже нет умной смерти. Вы были на войне?

Виктор посчитал в уме, что если сейчас тридцать восьмой — а предположим худшее, и сейчас тридцать восьмой, — то в четырнадцатом году ему здесь должно быть двадцать шесть. Если, конечно, не имеется в виду японская или какая другая. Какие же года тогда брали?

— Впрочем, не утруждайтесь. Вы не были на германском фронте, но вас это стесняло. Верно?

— Просто поражаюсь вашей проницательности. В это время я действительно, как вы говорите, был в другом мире.

— Не казните себя за это. Я помню малым ребенком, как это все начиналось, весь патриотический порыв, как ушел мой отец добровольцем... Но согласитесь, война между Россией и Германией, между странами, обреченными Богом быть в союзе против колониального владычества Алиен Форсиз... Нас столкнули, и мы совершили трагическую ошибку.

Где-то я это уже слышал, подумал Виктор. И тут он вспомнил Альтеншлоссера из рейха пятьдесят восьмого года. Чем-то господин штабс-ротмистр его незаметно напоминает, хотя и не похож вроде как. «Варьируются они, что ли...»

Тут раздалось фырканье, и на площадь, подымая клубы пыли над иссохшей дорогой, неспешно въехал угловатый серый автомобиль с открытым верхом.

— Вот и наша «испано-сюиза». Шучу, а то вы подумаете, что в жандармерии не разбираются в автотехнике. Конечно, старый добрый «Форд-МАЗ». Когда эту машину создавали, в Америке тоже было плохо с дорогами, и она проста, как колумбово яйцо. Когда-нибудь сюда проложат асфальтовое шоссе, а наше авто поставят на кладбище, как старый корабль или паровоз.

— Виноват, господин штабс-ротмистр! — скороговоркой от-

рапортовал шофер, открывая им заднюю дверцу. — Ездил воды заливать, сами видите, жара какая, закипает, а тут коров гонят, я и сигналил, и пинал, а что им — тупая животная корова!

— Это верно. А если бы ты во время войны задержался, а? Ладно, Иваськин. Вон, пока ждал тебя, попутчик свежий подвернулся, все в дороге веселее.

«Форд-МАЗ» по жесткости подвески действительно напомнил Виктору нечто среднее между узиком и трактором «Беларусь». Однако в его положении выбирать особо не приходилось. В лицо дул теплый ветерок, было даже немного душновато — возможно, ночью намечалась гроза. Петухи, вольно разгуливавшие вместе с курами у палисадников и прямо на дороге, тоже часто горланили — к перемене погоды. Черные кожаные подушки нагрелись под солнцем, как в сауне, — впрочем, в сауне таких как раз не бывает.

— А в Бежице вас куда подвезти? — громко спросил Ступин, перекрывая громкое, как у грузовика, бормотание низкофорсированного мотора.

«Сейчас расколется. Надо что-то придумать. Хотя этот догадается. Думай, думай... А зачем вообще придумывать? Преступник будет скрывать, что он без паспорта и денег. А какой-нибудь честный лох?»

— Да вот... Александр Семенович, как раз хотел у вас спросить, не знаете ли вы, где в Бежице сейчас можно быстро хотя бы немного заработать? Так, чтобы хватило на еду и ночлег?

— Вы внезапно остались без денег и документов? И родственников у вас нет ни в Брянске, ни дальних?

— Телепатия? Вы умеете читать мысли?

— Иногда. Нет, здесь все проще: вы бы спросили, у кого зайти на телеграмму родственникам, чтобы прислали денег.

Виктор развел руками:

— Потрясен.

— Профессия, сударь, обязывает. И в этом положении вы впервые, поскольку не сочли возможным для себя рассчитывать на городской ночлежный дом и бесплатный суп. То есть вы бережливы и потому никогда не опускались до нужды, всегда жили трудовой копеечкой и иного не мыслите, и всегда планируете будущие траты, как обычно приучены делать степенные семейные люди. Что же с вами вдруг такого случилось?.. Нет! Нет, не говорите, я попробую определить сам. Вас ограбили... нет, не то; вы проигрались в карты? Нет-нет, опять не то; а, вот: здесь не обошлось без женщины. Угадал?

Виктор подумал, что он уже где-то слышал подобную фразу или читал. Впрочем, это могло быть и дежавю.

— Почти точно. Только женщину я так и не встретил, а документов и денег лишился случайно и никого в том не виню.

— Не переживайте ни из-за того, ни из-за другого. Такие истории случаются часто в самом различном возрасте. Что же можно вам посоветовать? А, вот что: вы когда-нибудь пробовали писать? Я имею в виду — газетные статьи, заметки?

— Да, доводилось.

— Тогда могу подвезти прямо к местной редакции на бывшей Елецкой. Там за мануфактуру пера платят наличными людям с улицы — в смысле не спрашивая документов. Если внушите доверие редактору, то сможете договориться и об авансе. Это утренняя ежедневка, редакция без выходных работает, причем допоздна. А на ночлег — в вашем положении лучше не в гостиницу, а дам я вам адресочек, где одна знакомая сдает койку недорого.

Штабс-ротмистр послунял химический карандаш и черкнул в отрывном блокноте, отдав листок Виктору.

— Это на Мценской, знаете, за Красной дорожкой, то бишь Церковной, к Литейному. Нарисовать, как добираться?

— Спасибо, я представляю.

«Мценская — это бывшая Джугашвили... тьфу, Двадцать Второго Съезда. А Красная дорожка — Третьего Интернационала».

— Там чисто, тихо, полиция не нагрянет.

— А это как — не нагрянет? Вдруг грабители залезут — и что, не вызовут полицию, что ли?

Штабс-ротмистр вдруг как-то по-детски непринужденно рассмеялся.

— Право, вы точно жили немного в другом мире. В столице или за рубежом. Я имею в виду, что по подозрительным квартирам полиция иногда устраивает обыски — искать подрывную литературу или тех, кто в розыске, и тому подобное. У этой хозяйки вас среди ночи не подымут. А полезут грабители — зовите соседей.

«А он случайно не проверял? Черт, черт, стереотипная фраза — «полиция не нагрянет». Смотрел, как прореагирую. Прореагировал я глупо... Но это даже хорошо. И еще — «зовите соседей». Верно. В старые времена точно по «ноль-два» не позволишь».

— Да, вы правы... Совсем из головы вон.

— Да отвлекитесь вы от своих мыслей! Что бы там у вас ни случилось, прошлого не вернуть. Постарайтесь сосредоточиться на будущей жизни. Знаю по себе, это всегда помогает. А то ведь некоторые, знаете, до того закопаются в собственном прошлом, что и руки на себя накладывают. А нам опять ездить и

разбираться, не было ли это замаскированным актом террора. Загрузите себя работой, бывайте на людях, легкую интрижку даже заведите. Да-да, не всерьез, конечно, а так, на обоюдный легкий интерес.

— Понимаю. «Новая встреча — лучшее средство от одиночества»¹.

— Стихи?

— Так, слышал по радио.

— Прогресс... Раньше обычно отвечали — прочел в альбоме.

«Ага. В интернет-блоге».

— Да, все хочу спросить: где можно купить такой мужской ридикюль? — Ступин кивнул на борсетку Виктора, в которой лежали документы гражданина РФ двадцать первого столетия и мобильник. — Наверное, очень удобно в дороге. Как увидел, признаюсь, охватила белая зависть. Хотел бы себе такой завести: часто приходится быть в разъездах по губернии.

— Да, право, я бы с удовольствием... но я не сам его брал, мне подарили. Говорят, такие в Китае делают, но я не знаю, верить или нет.

— Супруга подарила?

— В точку. У вас ум — как луч лазера, — сказал Виктор и понял, что сморозил жуткую глупость.

— Про Лазера не слышал, только про Рентгена. Что-то вроде того?

— Да. Технические тонкости.

— Цветы из оранжереи?

Виктор вспомнил, что он до сих пор держит в руках букет. Впрочем, судя по разговору, букет оказывался к месту, многое объяснял и частично избавлял от расспросов.

— Я не спрашивал. Понравилось, вот и взял.

— Вы хотели произвести впечатление. Лето, цветов сколько угодно, а такие — только в оранжерее. Даже целлофан особенный, ровный.

— Вы правы. Как увидел, сразу понравилось. А по целлофану — лучше спросить у какого-нибудь химика. Целлофан, как конструкционный материал, в тяжелой машиностроительной промышленности не применяется. Вот высокоуглеродистая сталь, хромоникелевая, ванадиевая, алюминиевые сплавы — тут я бы мог больше рассказать...

Странно, думал Виктор. Штабс-ротмистр фактически сам и подсказал ему легенду, и, похоже, вполне удовлетворен ею. А что, случай довольно заурядный. Значит, он, Виктор — степенный

¹ Песня Ю. Антонова «Не забывай».

человек, в летах, — бросает семью ради любовницы, мчится ради нее в какую-то глушь, остается с носом, да вдобавок и без денег и документов. А теперь стыдится и не решается ни вернуться домой, ни телеграфировать родственникам, и ищет случайных заработков, стараясь остаться инкогнито. Легенда, в общем, ничего, могло быть и хуже. Искать пропавших мужей — это не по профилю жандармерии, с этой точки зрения он штабс-ротмистру малоинтересен, что тот и демонстрирует.

— Курите?

Штабс-ротмистр вытащил серебряный портсигар и раскрыл перед Виктором.

— Нет, спасибо. Я некурящий.

— Это хорошо. Я вот тоже все собираюсь бросить, но — работа нервная, нет-нет да и потянет.

...Хотя, конечно, уж какой-то он слишком безразличный. Ну, например, он, Виктор, мог оказаться неплательщиком алиментов. Или ради любовницы растрату совершил. А он, штабс-ротмистр, этим не интересуется и даже старается пособничать. Он что, по жизни такой радушный или тут у него какой-то свой интерес есть?

«А не собирается ли он меня использовать? Кто я для него? Человек, которому есть что скрывать, у которого проблемы, на которого, значит, есть чем давить. А я, в общем, начинаю уже потихоньку быть ему обязанным. По мелочам, конечно, но знакомству еще часу не прошло... И что же ему надо? Сделать осведомителем? Или филером? Или дать какое другое поручение? Ладно, посмотрим. Может, ему просто после всей этой неприятной казенной работы со жмуриками хочется чувствовать себя благородным странствующим рыцарем...»

Глава 3

«РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ПОТЕРЯЛИ»

Машина перестала плавать по извивам пыльной грунтовой дороги и выехала на то, что во времена Виктора было оживленной бетонной автотрассой в несколько полос, а здесь — аккуратным, но нешироким булыжным шоссе, любовно обсаженным с обеих сторон молодыми липами и березками. Автомобиль перестал прыгать, зато его мелко затрясло. Первым транспортным средством, которое они обогнали, был воз с сеном.

— Как вы думаете, — продолжал разговор штабс-ротмистр, — в этом году дожди сено убрать не помешают?

— Я уповаю на лучшее. Хотя, похоже, небольшая гроза все

же пройдет, но, надеюсь, это не затяжные дожди. Вообще, надо развивать и механизировать производство кормов, да и вообще производство зерновых. Труд землепашца облегчать трактора и комбайны, внесение органики надо дополнить производством минеральных удобрений и средств защиты растений.

— После Великого Голода, я смотрю, вы всерьез стали интересоваться не только механикой.

— Так голод не тетка, и опять-таки это механизация.

— Многие сейчас интересуются, многие. Город вспомнил о деревне. Но вот на мой взгляд, механизация даст результат только при одном маленьком условии: дороги. Дороги в каждую деревню, к каждому полю. Иначе на этих разбитых проселках мы будем тратить столько топлива, что дешевле будет купить зерно в Канаде, где им из-за кризиса даже топят паровозы вместо угля. Или даже будем покупать горох в консервных банках откуда-нибудь из Трансильвании.

«А до чего же он прав, хоть и жандарм...»

Вместе с тем развертывающийся по обе стороны дороги пейзаж мало свидетельствовал о том, что в этих краях был упомянутый штабс-ротмистром Великий Голод. Поля были распаханы, на покосах работали конные жнейки, картошка дружно взошла, и периодически им попутно и навстречу помимо возов и телег попадались грузовики и трактора. В поле виднелись столбы линий электропередач, а села, через которые они проезжали, не были отмечены печатью запустения. Ветхих и разваливающихся изб Виктор не заметил, а, напротив, попадались новые и крытые не только тесом и дранкой, но и железом, красной глиняной черепицей или серыми ромбиками террофазерита. Встречались и новые дома, в основном красного кирпича; в паре сел Виктор заметил местные кирпичные заводи, поднимавшие к небу высокую красную трубу.

— Дороги обязательно надо, — заметил он, — вон как местная промышленность тут развивается, глины используют.

— Вы заметили? Да, и десяти лет не прошло — никаких следов бедствия, цветущий край. Мы живем в эпоху экономического чуда. Производство растет как на дрожжах — и крупное, и мелкое. Концерн Опеля купил акции бывшего завода Форда в Нижнем и расширяет дело, Порше купил другой завод Форда — вот этот самый МАЗ, Московский автосборочный, и будет собирать народомобили... Вы же знаете, американцы, пока начали выбираться из Великого Упадка, распродали по дешевке кучу европейских филиалов. Концерн МАН расширяет бывший завод Струве, БМВ начал выпускать мотоциклы, знаете где? На Урале! Этак скоро и Сибирь-матушку распашут и застроят, уже

есть проекты просто фантастических электростанций на сибирских реках. Транссиба уже мало, нужна Байкало-Амурская...

«Какая примерно была пятилетка? Третья... Ну да, планов громадье соответствует. Однако же народ, насколько можно заметить, накормлен и не бедствует».

— А все почему? Все благодаря новой экономической политике...

«Хм, нэпу? И у белых нэп? Хотя кто сказал, что у белых будет такой же нэп, как и у красных? Это же словосокращение».

— ...И не только экономической. На Западе все это называют «фачизм».

«А это еще куда? Фачизм, фачизм... Может, мачизм, от слова «мачо»? Нет, это каким боком-то? Или от чьего-то имени... Фачизм. А, черт!!! Только не это!!!»

Виктор вдруг вспомнил, что словом «фачизм» в двадцатые в Советской России называли не что иное, как *фашизм*. Он уже тогда в Италии был. То есть он, Виктор, попал в фашистскую Россию. И от одного сочетания этих двух терминов становилось не по себе. Это даже не прошлая командировка в рейх, тут группы прикрытия и ожидающей у берега подлодки никто не обещал.

— Я заметил, вас несколько смутило слово «фачизм», — сказал Ступин.

«Трындец. Надо как-то выкручиваться...»

— У меня есть такой недостаток — я человек старого образца, а если помните, при императоре Николае слова со всякими «измами» обычно со всякой крамолрой ассоциировались. Умом, конечно, понятно, а так как-то привычно, чтобы со словом «Россия» рядом родное, русское слово стояло.

— Совершенно правы. Соборность! Есть исконно русское слово — соборность. Фачизм — это от слова «фашина», связка, то, что связывает людей в одно целое, собирает. Фачизм — это и есть соборность.

«Ну вот, еще одно хорошее слово опошлили».

— Соборность — да, вот это родное, это понятно...

Обычно в случае таких потрясений пишут, что яркий солнечный день как бы померк для героя, и прочее. Тем не менее Виктор после осознания того печального факта, что «Россия, которую мы потеряли», оказалась даже очень иной, чем та, о которой мечтали в начале девяностых, особенных изменений в природе не отметил. Солнце все так же светило, иногда чуть закрываясь рваными облачками, словно красавица рукавом, все так же дул навстречу теплый ветерок. По обочинам шоссе цвел сиреневый люпин, розовый иван-чай и желтые лютики, и кача-

ла свои головки кашка. Прозрачные кудри берез, с которыми баловался июньский ветер, и синеватые полосы леса, окаймлявшие дальние холмы, создавали картину благолепия и перво-зданной чистоты мира.

«Только не надо паниковать, — подумал Виктор, — надо еще разобраться, что тут к чему. В политике вещи редко своими именами называют. Вон прибалты говорили, что демократию строят, а народ в Таллине отметелили. Не то они называют демократией, что мы думаем. Может, и тут фашизмом назвали не совсем то, что я подумал, не германский нацизм. Вон, например, в Испании каудильо евреев так не уничтожил, как Гитлер. А где-то фашисты православных уничтожали, хоть этот факт сам по себе мало утешает...»

Автомобиль осторожно переехал деревянный мостик через небольшую речку — новый, аккуратный, он просто казался декорацией из какого-то исторического фильма. Штабс-ротмистр похлопал шофера по плечу, чтобы тот притормозил.

— Думаю, самая пора отлить. Пока шоссе пустынно.

Виктор присоединился, воспользовавшись случаем. Мало ли сколько еще ехать. Шоссе действительно было пустынно, так что не пришлось даже спускаться с насыпи.

«А еще Германия тут стратегический инвестор, — продолжал рассуждать Виктор, когда они вернулись в машину и продолжили путешествие. — Может, это специально так, как некоторые страны третьего мира делали? Объявляли, что идут по социалистическому пути, чтобы помощь у СССР попросить. А как помощь кончилась, сразу о социализме говорить перестали. Вон вроде даже одно время Индия называлась Социалистическая Светская Республика Индия, а на самом деле как была, так и есть. Может, и здесь — политический маневр такой? Да, главное — пока не паниковать».

— Вы не замечали, Виктор Сергеевич, — вновь заговорил Ступин, — в такие дни в нашей скромной провинции царит какая-то особая аура? Светлая, умиротворяющая душу и проясняющая мозг? Никогда такого ощущения не было?

— Отчего же, — обрадовался повороту темы Виктор, — даже довольно часто было. Не зря же эти места поэты воспевали. Например, сочинения господина Тютчева...

— Тютчев! — с нажимом повторил Ступин. — Вот кто, пожалуй, приблизился больше всех к разгадке этой тайны. Не просто поэт, а философ, политик, человек, соединивший тонкость чувств и глубокую аналитическую логику. Не понимаете, к чему я клоню?

— Нет, — ответил Виктор, на всякий случай готовясь к какому-то подвоху или провокации.

— Возьмем хотя бы одну строку: «И ропщет мыслящий тростник». Загадка, шифр, а ответ — гениальная догадка о связи человека с высшим знанием, которым проникнута природа, растения. И таких намеков, шифров у него по многим стихам. Легенды об Ойкумене, о Шамбале... Убежден, что нашу Шамбалу надо искать здесь, на Брянщине. А легенды о богатырях? Как на них смотреть? Как на вымысел, преувеличение или на дошедшие нас языческие предания о расе сверхлюдей?

«Прямо код Да Винчи, однако. Штабс-ротмистр, оказывается, с фантазиями. Ну, хорошо хоть, что он тратит время на расшифровку Тютчева, а не на то, чтобы раскопать в каждом собеседнике врага империи... будем надеяться, что так».

— Да это просто открытие! А мне знаете что сейчас вспомнилось из Тютчева:

Удрученный ношей крестной,
Всю тебя, земля родная,
В рабском виде Царь Небесный
Исходил, благословляя.

«Интересно, что он в этом откопает?»

— Тоже одно из моих любимых. Характерно, что вы процитировали именно третью строфу. У нас ведь несколько поколений выдергивали первую: «Эти бедные селенья, эта скудная природа...» Дескать, какая мы низшая, забитая раса, без западных революционных идей...

«Осторожно, осторожно, скользкую тему начинает...»

— ...А вы сразу вспомнили о Боге. Как точно этим обозначен водораздел между истинным критически мыслящим патриотом и бунтарем-нигилистом!

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует.
Он к свету рвется из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Четыре строки — и вся суть бунтов, волнений пятого года, революции семнадцатого...

«А, в семнадцатом все-таки была. Терпение, терпение. Может, еще чего расскажет...»

— Кстати, а какого вы вероисповедания? По крайней мере, к ортодоксальным иудеям вас отнести нельзя.

«Черт, даже отправление естественных надобностей исполь-

зует для получения информации. Пугаться этого не надо. У него профессия требует людей изучать».

— А сейчас карается, если человек вообще вне вероисповедания?

— Нет, конечно. Я так понимаю, для вас это достаточно личный вопрос, и оно, собственно, так и есть, если, конечно, вы не в масонской ложе.

— Шутите. Я просто вне лона церкви, а вот что касается символов веры, есть такая песня, она очень хорошо их передает.

— Песня? Я заинтригован. Это религиозный гимн или молитва?

— Это романс.

— Романс?

— Да, но можно считать и молитвой. Давайте я лучше напою. Правда, прошу извинить, пою я, наверное, ужасно.

— Да ничего, у меня тоже голоса нет. Слух, правда, есть, на гитаре умею... В общем, очень интересно, особенно если романс.

Виктор прокашлялся и начал «Русское поле» — он помнил, что в «Новых приключениях неуловимых» ее пел в бильярдной белый офицер. Ступин внимательно слушал, а после второго куплета начал подпевать: «Не сравнятся с тобой ни леса, ни моря...» Голос у него, кстати, был бы для попсовой эстрады вполне достаточный.

— Недурно... черт возьми, очень даже недурно! Чье сочинение, почему я этого раньше не слышал?

— Музыка Яна Френкеля, а слова Инны Гофф.

— А-а... Я всегда говорил — надо смотреть не на фамилию... Ничего, можно подкинуть нашим местным певцам, как старинный романс неизвестного автора.

— Спасибо.

— Пустяки... Ну вот, а вы смущались — по символу веры вы настоящий фачист.

Глава 4 ФРИЛАНСЕР

Виктора, конечно, внутренне покорило от того, что штабс-ротмистр обозвал его фашистом. Но он тут же сообразил, что Ступин вряд ли имел в виду то, что он, Виктор, готов сжигать деревни вместе с жителями или хотя бы фанатично предан фюреру. Скорее всего, дело было во фразе «Здравствуй, русское поле, я твой тонкий колосок», которую, при определенной на-

тяжке, можно истолковать и как призыв ставить интересы империи выше своих личных прав и интересов. Каждый понимает в меру своей испорченности. И в конце концов, Виктору надо здесь притворяться своим для элементарного выживания. «Будем считать, что я удачно напялил на себя чужую шкуру», — заключил он для себя, не желая соглашаться с наличием каких-либо внутренних связей между собой, человеком гражданского общества третьего тысячелетия, и здешним режимом.

...Бежица встретила их густой волной медового запаха жасмина, кусты которого, густо усыпанные белыми благоухающими цветами, повсюду росли в палисадниках наряду с розовым шиповником и уже отцветшей сиренью. В глаза бросались крупные розовые шапки пионов и алые солнца георгинов. Жизнь бушевала здесь, и казалось, среди этого моря цветов, которое представлял собой город, скорее похожий на очень большое село, просто невозможно быть несчастным.

Улица, которую он помнил как Ульянова, уже оказалась не с булыжной мостовой, а покрыта асфальтом — это сразу почувствовалось по ходу экипажа. Когда авто проезжало вдоль Старого базара, Виктор узнал некоторые знакомые двухэтажные дореволюционные здания, в первую очередь баню, старые цеха и конторы БМЗ, особнячки и губонинские казармы; новые же постройки отличались от известных ему довоенных строгим конструктивистским видом и серым цветом. То, что в его бытность именовалось улицей Куйбышева, здесь было наскоро застроено двухэтажными каркасными бревенчатыми домиками, обложенными снаружи серым силикатным кирпичом. Судя по всему, места для застройки хватало, а застройщики стремились к всемерной экономии. Изредка из этого ряда выбивались новые трех-четырёхэтажные дома, возвышаясь мини-небоскребами над окрестным пейзажем. По центру же бывшей (будущей? не будущей здесь?) Куйбышева тянулась железнодорожная ветка в сторону Стальзавода. Развешанных флагов со свастикой Виктор не заметил нигде, и это его успокоило.

Они свернули на Комсомольскую, тоже уже асфальтированную; точнее, на то, что до Комсомольской было Елецкой, впрочем, если верить штабс-ротмистру, здесь это уже стало бывшей Елецкой. Сторона Комсомольской напротив городского сада, по-видимому, была комплексно застроена в конце двадцатых — начале тридцатых. Вплоть до доходного дома со скругленными углами по этой стороне одной стеной протянулись четырехэтажные здания. Одни из них были из силикатного кирпича, с плоскими фасадами, прерывавшимися широко расставленными выступами длинных открытых балконов-лоджий, за которы-

ми стена несколько углублялась нишей внутрь; углы также слегка оживляли открытые с двух сторон глубокие лоджии. Больше всего эти дома напоминали Виктору те из довоенных, что сохранились на выходящих на Комсомольскую боковых улицах, только были без зигзагов. Были они почему-то серо-черными, как когда-то корпус БТИ на площади Ленина. Другие, по виду немного поновее, напоминали своей архитектурой Дом Стахановцев, что на Куйбышева; архитекторы постарались на скорую руку внести в суровый шинельный облик проекта двадцатых черты классического дворца. Стены были украшены по вертикали простенькими кирпичными пилястрами, а по горизонтали — разделены карнизами на неравные части, как если бы дом был первоначально ниже, а потом достроен; первые этажи были отделаны штукатуркой с имитацией руста. «Постконструктивизм», — подумал Виктор.

На первом этаже одного из таких домов, как раз напротив Приюта (в 60–70-е н. р.¹ — музыкальная школа), и располагалась редакция. Еще подъезжая к ней, Виктор издали заметил, что за музыкальной школой, прямо на месте Дворца культуры БМЗ, стоит высоченное здание собора, причем новое.

— Ну вот и приехали. Если случится что — заходите...

— Спасибо. А вы сейчас в Брянск?

— Нет, здание управления тут недалеко. Губцентр-то сейчас не Брянск, а Бежица. Счастливо устроиться!

Как только Виктор отошел от неожиданного известия, что именно Бежица вдруг стала центром губернии, он вошел в редакцию газеты, которая, между прочим, называлась «Губернский голос». В коридоре, по верху стен которого тянулись ряды проводов на фарфоровых роликах, чувствовалась духота, пахло откуда-то масляной краской, а на одной из стен висел большой комикс в лубочном стиле под названием «Каторга — путь к светлой жизни». Комикс был про некоего Фрола, который воровал чемоданы на вокзале, попал на каторгу, там научился ремеслу и слушал наставления священника, а после освобождения пошел работать на фабрику и стал типа крутым меном, а его бывшие дружки, не бросив воровского ремесла, спились, бомжуют и ему завидуют. «Социальная реклама», — заключил Виктор и поискал дверь приемной. Она была открыта для создания сквозняка, и через нее Виктор увидел из коридора хозяина кабинета.

Главный редактор оказался мужчиной средних лет, с окладистой бородой, по случаю теплого вечера в рубахе с расстегнутым

¹ Нашей реальности.

воротом. Судя по голосу, он кого-то распекал — кого, из коридора видно не было.

«М-да. Момент для разговора, видно, неудачный...»

— Нет, ну что это значит? Кто говорил анонсировать? Кто за Самодерникова ручался, кто, я спрашиваю, кто? Нет, ты смотри, что я теперь буду сюда ставить? Какой, к черту, «материал есть», если мы анонсировали фантастику! Очерк о будущем! Сами себе зажали дверью...

— Так завтра же Духов день, можно вставить стихи и чего-нибудь про это...

— Можно! Можно! А на кой ляд на этот номер анонс давали? Народ ждет, купит из-за рассказа, а там — вот! Стихи! Стихов он завтра ждет! Нет, ну с кем работать, с кем работать, это же конец полный... Рожай! Хоть что рожай!..

«А может, и не такой неудобный...» — подумал Виктор, и его вдруг просто понесло внутрь.

— Извините, — начал он прямо от двери, предупреждая «Какого черта, я занят». — Вам, кажется, фантастический рассказ нужен?

— Проходите. Принесли рассказ?

— Какой нужен и в каком объеме?

— О будущем. О технике. Любой технике будущего. Сейчас. Большой будет — урежем.... Иди, иди... — Главный редактор замахал рукой высокому молодому мужчине, возможно начотдела, тому самому, которому он только что выговаривал.

— «Телефон в кармане». Тема подойдет?

— Давайте, давайте. Где... где у вас?

— Вот тут, — Виктор постучал себя по лбу, — сейчас записываю и отдаю вам. Бумаги можно?

— Берите. Да, вас как?

— Еремин, Виктор Сергеевич.

— Бурмин, Аркадий Иванович. Давайте, давайте...

Виктор устроился в приемной возле места машинистки, быстро набросал нечто популярное про мобильники и вернулся в кабинет, где горящий от нетерпения Бурмин выскочил ему навстречу из-за стола.

— Давайте, давайте сюда.

Тут Виктор к ужасу своему вспомнил, что машинально написал рассказ шариковой ручкой. «Ну, вот вы и попались, Штирлиц...»

— Одну минуточку, я там поправлю...

— Сами поправим! Так. «Мадемуазель Клаудия Шиффер

изящным движением раскрыла сумочку»... Мы-мы-мы... о!.. Ого! Так. Сколько тут? Идет.

— Что-то сократить, подредактировать?

— Сами. — Он нажал на кнопку звонка. — Черт, Анфису, как на грех, отпустил сегодня... Епифанов! — заорал он в коридор. Послышались шаги.

— Так. Вот я пишу расписку, кассир выдаст пять рублей.

— Пять рублей? — рассеянно переспросил Виктор. Он еще не был в курсе здешних валют и расценок.

— Семь! Семь! Но вы меня режете! Вы пользуетесь моим безвыходным положением. Епифанов! Вот это, срочно, ну ты разберешься, давай, давай...

— Аркадий Иванович, я хотел спросить: а вашей газете еще такие рассказы нужны?

— Беру все. Гонорар по объему. Такой объем — пять рублей, больше, уверяю вас, тут никто не даст. Да, к кассиру не забудьте, а то он тоже сейчас убежит.

«Значит, не обратил внимания, чем написан рассказ. Ну а потом — перепечатают, рукопись в корзину, и концы в воду. Мало ли тут таких бумаг от фрилансеров».

Кассир, вместе с бухгалтером и завхозом, сидел в комнате в самом конце коридора, из которой в этот коридор помимо двери было пробито зарешеченное окошко. Он оказался сухощавым старичком в старомодном пенсне и в нарукавничках, одно из стекол пенсне в уголке треснуло. Кассир протянул Виктору ведомость для росписи и отсчитал семь рублей ассигнациями. Из вычтехники у него были большие темно-бурые деревянные счеты. «Да, — подумал Виктор, — сетевые админы им еще не скоро понадобятся. Посмотрим потом, как еще с инженерами-механиками».

Расписываясь в ведомости, он вспомнил о том, что за всеми этими хлопотами с промоушеном он так и не взглянул на висевший в приемной редактора табель-календарь.

— Прошу прощения, а число сегодня какое? Запомню по рассеянности...

— Так сегодня ж День Святой Троицы, Пятидесятница, — удивленно протянул кассир, — воскресенье двенадцатое июня. Народ вот гуляет, а мы каждый день что солдаты на посту.

«А, понятно, чего народ в селе как на киносъёмке. Праздник, однако».

— Да... совсем в творческой запарке счет дням потерял...

— Ежели и год забыли, так тридцать осмой.

Когда Виктор проходил обратно, Бурмин прямо из двери своего кабинета поймал его за руку и буквально втянул внутрь.

— Вы же, я смотрю, с дороги? А я тут чайку сообразил, знаете, просто неудобно не пригласить.

Виктор согласился, тем более что в своем мире так и не успел пообедать, так что позволил себя затащить в кабинет, где на огромном столе помимо письменного прибора, старого телефона, большой пишущей машинки и кучи бумаг уже стояла на жестяном подносе пара стаканов в подстаканниках и тарелка с пряниками со жженым сахаром. На стене висел парадный портрет лысоватого худошавого мужчины в белом кителе с золотыми эполетами. «Этот, наверное, и есть здесь самый крутой. Узнать бы, как зовут, и обращение к нему...» В углу на тумбочке незыблемым красно-коричневым мавзолеем возвышался здоровый, полметра на полметра, всеволновой шестилампный «Телефункен-Хорал».

— Милости прошу к нашему шалашу, Виктор Сергеевич. Не обессудьте, что скромно, — кому Троицын день, кому работа.

Чай оказался с коньяком. Виктор понял, что начинается деловой разговор.

— Вы, так сказать, к нам в Бежицу постоянно или проездом?

— В первоначальных планах — проездом, но, возможно, осяду надолго.

— Если осядете надолго и ваша муза к вам не охладает — есть шанс стать колумнистом.

— От такого выгодного предложения отказываться было бы просто странно.

— Ну мало ли... А вы сами откуда? Раньше никогда не доводилось о вас слышать. Неординарно пишете. «Хюндай-Гетц»¹... Надо же придумать!

— Да я, собственно, раньше только технические работы писал, особо не думал...

Тут в комнату влетела молодая женщина, чуть за тридцать, невысокая, светловолосая (точнее, с осветленными волосами), без лишней полноты и с большими выразительными глазами; в руках у нее была «лейка». Не успел Виктор глазом моргнуть, как она, произнося с порога «Здравствуйте!», пыхнула магнием; щелкнул затвор.

— Таня Краснокаменная, наш фотокор, — пояснил Бурмин. — Это я попросил проиллюстрировать рассказ портретом автора.

«А вот светиться здесь совсем ни к чему», — мелькнуло в голове у Виктора, но он тут же решил, что после поездки с жандармским штабс-ротмистром прятаться смысла не имеет.

— Вы прекрасно получите, — улыбнулась Таня, — у меня хороший опыт. Побежала проявлять пленку.

¹ От нем. Hund — «собака», hetzen — «травить».

Когда она скрылась за дверью, Виктор подумал, что вот кому надо было пристроить букет с тремя гвоздиками, но было уже поздно. «Ладно. Еще не вечер...»

— А если не секрет, — спросил он, — на какую тему намечался тот рассказ?

— Да тоже о радио. Перспективы развития хай-фай-аппаратуры...

— Хай-фай? High fidelity? ¹ — переспросил Виктор. Радиорупор на площади в селе как-то был далек от хайфая.

— Ну да. Это то, что опыты в тридцать шестом—тридцать седьмом проводили. И еще про кабельное телевидение высокой четкости. В общем, фантастика ближнего прицела.

— Нет проблем, — ответил слегка ошарашенный Виктор. — Будет про спутниковое телевидение. И плазменные панели.

— Это вроде той, что делала в двадцать седьмом лаборатория Белла? Как-то по радио лекцию передавали...

— Да. Они имеют большое будущее.

Они еще немного посидели; по счастью, вопросы Бурмина оказались довольно нейтральными, вроде «Как вам наши места?». Потом у редактора зазвонил телефон: видимо, случилось что-то интересное, — и он оживленно заговорил в трубку. Виктор понял, что самое время откланяться. Когда он подавал руку на прощанье, Бурмин на секунду оторвался от трубки:

— Секундочку... Да, и еще: когда будете вводить в канву повествования инженера или изобретателя, пусть будет иностранец. Или русский, но работающий в Германии.

— Ах да, точно! — воскликнул Виктор. — Совсем забыл. Спасибо, что напомнили.

На самом деле Виктор понятия не имел, почему изобретатель в рассказах не может быть русским, работающим в России. Но не стал спрашивать почему, приняв это как местную идеологическую установку, смысл которой ему пока неясен. Впрочем, в таких ситуациях установка могла быть вообще лишена смысла.

Глава 5 СВЯТО МЕСТО ПУСТО НЕ БЫВАЕТ

Когда он вышел из редакции на улицу, летний зной уже спал. Солнце клонилось к закату, лаская розовым светом верхушки деревьев парка Пожарного общества, откуда слышались звуки духового оркестра, — подъезжая сюда, он не слышал их из-за

¹ Высококачественное воспроизведение (англ.).

шума мотора. Со станции долетали тонкие вскрики маневренных паровозов. Сзади, от паровозостроительного, донесся цокот копыт; по мостовой мимо него прокатилась извозчичья пролетка на дутых шинах. Где-то из зеленых крон молодых деревьев слышалась песня запоздалого соловья. Печать умиротворения лежала на этом уголке вселенной.

Прямо от подъезда редакции во всей красе открывался вид нового собора, и Виктор, подойдя поближе, внимательно рассмотрел местную достопримечательность. Видимо, это было одно из самых высоких зданий Бежицы, высотой в десятиэтажный дом или чуть больше. Собор был квадратным, пятиглавым, с большой центральной главой с позолоченной маковкой и четырьмя небольшими главами с голубыми маковками по углам. Барабаны глав были оштукатурены и покрыты ярко-желтой и белой краской; основное же здание выложено из неоштукатуренного серого силикатного кирпича, как и жилые дома на улице, и оттого выглядело немного мрачновато. «Куб» храма был, скорее, сильно вытянутой в высоту призмой. Боковые стены этого «куба» были прорезаны длинными застекленными лентами окон, как на лестничных клетках довоенных жилых домов; ленты эти были зажаты чем-то вроде пилястр, сверху образующих между собой арочки закомар. Чем-то похожим на эти пилястры были украшены и абсиды. Спереди виднелась паперть в половину высоты стен «куба», увенчанная маленькой главкой; передняя стена ее была оштукатурена и побелена, а от дверей спускалась лестница на площадь, где, естественно, памятника Ленину в этой реальности уже не наблюдалось.

Собор оставил в душе Виктора несколько двоякое впечатление. С одной стороны, в Бежице тридцать восьмого это здание смотрелось почти так же мощно, как восьмая московская высотка в пятьдесят восьмом, особенно если мысленно примерить на это место длинное, но не слишком высокое здание Дворца культуры; собор был по меньшей мере вдвое выше. Да и в целом здание следовало традиционному владими́ро-сузда́льскому стилю, который в реальности Виктора большинству нравился больше, чем распространившийся перед 1917 годом в церковной архитектуре модерн. С другой стороны, верхушки прорезей окон и закомары здесь как-то вышли не совсем русскими, а скорее балансировали между византийской архитектурой и романской, а на углах даже несли элементы готики. Потом, если дореволюционные православные храмы, даже самые неказистые из них, все же казались Виктору светлыми и легкими, то этот свинцово-серый силикатный колосс как-то придавливал все окружающее к земле.

«Может, его потом снаружи оштукатурят и побелят... А вот

еще где-то в этом месте Преображенская церковь должна стоять, вроде красивая была. Ее же белые вроде не должны снести, значит, посмотреть можно?»

Виктор прошел до угла Красной и обнаружил там практически такую же почту в том же самом гринберговском стиле, что и в своей реальности, только серо-желтую, с белыми и красно-коричневыми декоративными деталями. На углу ее, на кронштейне, висели над улицей большие круглые электрические часы, и пара юношей с букетиками цветов бродила поблизости, ожидая подруг. Круглая тумба для афиш и деревянный киоск с неожиданной здесь надписью «Роспечать» тоже выглядели как-то знакомо. На том же углу он обратил внимание на таблички с названиями улиц. Они также преподнесли ему сюрприз: 3-го Интернационала на самом деле оказалась не Церковной, как, впрочем, и не Красной, а вовсе Губернской, а Комсомольская — почему-то Преображенской. Возможно, Церковную переименовали недавно, и штабс-ротмистр по привычке назвал ее по-старому, а Елецкую уже помянул как бывшую.

Напротив почты вместо знакомого жилого дома конца двадцатых Виктор увидел большое угловатое четырехэтажное здание цвета кофе с молоком, с высоким темно-коричневым цокольным этажом и имевшее в плане вид буквы «П» с косыми ножками (потому что к Стальзаводу улицы от Красной шли наискось). Здание растянулось на целый квартал и внешне напоминало гибрид Первой общаги БИТМа с речным пароходом. Два крыла неодинаковой ширины, выступавших вперед вдоль того, что называлось Куйбышева и Комсомольской, заканчивались полуцилиндрическими торцами, которые как раз и были похожи на надстройки пароходов. Разная ширина торцов, видимо, объяснялась тем, что в одном крыле были конференц-залы, а в другом — просто кабинеты; на закруглениях торцов квадратики окон переходили в сплошные ленты. Между этими выступами зеленел свежеразбитый скверик с молодыми елочками и клумбами, разделенный пополам проходом к главному подъезду; подъезд этот обозначался на гладкой ленте фасада двухэтажным выступающим вестибюлем с балконом. Здесь на здании, словно каланча, возвышалась сухощавая прямоугольная башня высотой с одиннадцатизэтажный дом, несимметричная, с выступами балконов на одной стороне. Возможно, она и должна была, помимо всего прочего, играть роль пожарной каланчи. На вершине ее возвышалось не что иное, как решетчатая мачта с тремя турникетами антенны телепередатчика.

На фронтоне над входом красовался огромный двуглавый орел, а над ним был, как и над управой в селе, вывешен чер-

но-желто-белый имперский флаг. Виктор понял, что тут, очевидно, и есть губернское правление и подобные ему ведомства.

Перед центральным подъездом красовалась конная статуя на невысоком, метра в полтора, бетонном постаменте. «Пересвет, что ли?» — подумал Виктор.

Еще он успел заметить, что среди бродящих по губернскому центру в праздничный вечер людей он, пожалуй, относится к высокорослым. Народ был как-то размером помельче, хотя и не сказать чтобы физически слабее. Акселерация, вспомнил Виктор. В пятьдесят восьмом, наверное, это тоже было, просто, видимо, не настолько, чтобы бросаться в глаза.

Что касается одежды, то Виктору показалось, будто он попал на съемки костюмированного фильма про довоенную Варшаву или Ригу. Практически не было видно традиционной народной выходной одежды, что извлекается из сундуков по великим праздникам. Зато были наряды по моде тридцатых — от торжественных, но аскетичных и экономных, до носящих явные элементы роскоши. Попадались мужчины в элегантных белых костюмах и галстуках с заколками; обычным же праздничным прикидом простонародного местного мэна служила белая или в вертикальную полоску рубашка с коротким рукавом, белые парусиновые брюки и парусиновые же туфли, а на голове красовалась белая кепка набекрень. Наряды женщин были намного более разнообразны — от льна до шелка, — не было разве что женских брюк, и представительницы зажиточной части не украшали себя неуместными в жару мехами. Виктора по чисто практическим соображениям интересовала больше мужская одежда; вскоре он понял, что в своей рубашке в мелкую желтую клетку, светло-серых брюках из плащовки и кремowych туфлях на полиуретановой подошве он не сильно выделяется из общего фона и позиционируется как приличный господин, которого мало интересует внешний лоск и который выбирает наряд простой и удобный, уделяя, однако, внимание созданию своего стиля. К тому же плащовка здесь выглядела кульно, хотя и не вызвала удивления.

Губернская, с тротуарами и площадью перед официальным зданием, была вымощена свежим асфальтом, еще не успевшим вытащить из себя истертую ногами щебенку и растрескаться. Этакий показательный километр идеального асфальта.

По дороге на Мценскую, по адресу хозяйки, Виктор заскочил в несколько попутных магазинов на Губернской, имея две цели: взять на первый заработок чего-нибудь съестного, ибо он еще не только не завтракал, но и не обедал, и посмотреть курс местной валюты. Курс в целом оказался где-то в пределах трех советских рублей за один местный, причем еда стоила дешевле,

а готовое платье и обувь — немного дороже. Виктор взял хлеба и полукопченной колбасы, по запаху внушавшей доверие, а по виду похожей на домашнюю, что появилась в домовых кухнях в середине восьмидесятых.

Мценская, в сторону Стальзавода, оказалась застроена новыми стандартными двухэтажными деревянными домиками на четыре квартиры, с большими открытыми верандами по бокам. Домики были покрашены в синий цвет, как и штакетники, ограждавшие палисады. Асфальтовое благополучие центра Бежицы, как выяснилось, к западу было ограничено Губернской, и Мценская дальше в сторону Литейной мощенна была булыжником, тротуары оказались деревянными, из досок-сороковок, уже потемневших от солнца и дождей и местами треснувших, а между тротуаром и проезжей частью тянулась канава для сточных и ливневых вод, густо поросшая бурьяном и лопухом.

Дом по указанному адресу оказался за Петровской, у самого поворота, где начиналась Молодежная. Был он таким же стандартно синим, с шатровой крышей из плоского шифера, еще не успевшего потемнеть, в палисаднике благоухал жасмин, задумчиво темнел отцветший куст сирени, и пионы качали пышными пунцовыми и белыми головами, и были еще разные мелкие цветы, на которые Виктор уже особого внимания не обратил.

У дверей подъезда, спрятанных под небольшим навесом крыльца, виднелась черная ручка механического звонка и висела табличка, сколько раз кому звонить. Виктор еще раз глянул записку: хозяйку звали Задолгова Екатерина Михайловна, и по прочтении этой фамилии Виктор представил себе дородную высокую женщину с нарумяненными щеками и в длинном сарафане с оборками. Звонить ей надо было трижды.

«А это не может быть ловушка? Ну, скажем, направить незнакомого человека какой-то адрес проверить, а потом следить, что будет. Хотя слишком сложно. И вообще — что это я типа профессор Плейшнер, мандражирую? Про цветок на окне мне никто не говорил, пароля не сообщал...» Виктор поднял голову и увидел, что цветы торчали тут на всех восьми окнах фасада, кроме лестничной клетки. Он плюнул, спокойно вошел в калитку и трижды крутнул ключик звонка.

Глава 6 УЖИН У БУБНОВОЙ ДАМЫ

Дверь открыла молодая девушка или женщина, во всяком случае явно не достигшая тридцати, невысокая, чуть полненькая, но не настолько, чтобы это портило привлекательность ее

фигуры, темноволосая, с уложенной на затылке косой а-ля Юлия Тимошенко, с натуральным румянцем на щеках с ямочками. Одета она была в тонкую, но непрозрачную светлую блузку с коротким рукавом, причем было заметно, что она, подобно тому как это делала часть девчонок в восьмидесятом в сильную жару, не носила лифчика; также было заметно, что эта деталь одежды ей в общем-то и не требовалась, ибо природа сама прекрасно позаботилась о поддержании нужной формы. Светло-серая юбка-миди создавала эффект стройности, а прикид завершали туфли на легком каблуке и белые носочки с лазоревой тонкой полоской поперху.

— Добрый вечер. Мне бы Екатерину Михайловну увидеть.

— Так это я Катерина Михайловна.

— Еремин, Виктор Сергеевич. Мне сказали, что вы сдаете комнату, и я хотел бы посмотреть и переговорить насчет условий.

«Во будет фокус, если она уже сдана».

— Пожалуйста, проходите! Наверх, на второй этаж. Вот сюда.

Виктор прошел на четвертый этаж, вошел в квартиру, снял туфли — и тут вспомнил, что он до сих пор держит гвоздики в руках.

— А это вам, — сказал он, протягивая цветы Катерине.

— Мне? За что?

— Я загадал, что если комната будет свободна, то я дарю хозяйке букет.

— Как мило! Зовите меня просто Катя.

— А меня просто Виктор, — сказал Виктор и тут же вспомнил, что с этой стандартной пары фраз начинались почти все его мимолетные связи в иных мирах.

Квартира Кати состояла из трех комнат; гостиная метров восемнадцать и пара комнат на вид метров по девять; в одной из них располагалась спальня хозяйки, а вторую, окно которой выходило на Мценскую и располагалось на фасаде со стороны лестничной клетки, а дверь открывалась в коридорчик, собственно, сдавали. В комнате стояла кровать, простой столик, тумбочка, пара стульев, на стене были вешалка и книжная полка. Стены оштукатурены по дранке и побелены, с потолка свисала электролампочка, рядом с тумбочкой имелась розетка, а у входа на стене висела черная тарелка репродуктора; в глаза бросалась ностальгическая проводка витым проводом по фарфоровым изоляторам. На полу лежали простенькие полосатые дорожки, чтобы не пачкать пол и босиком ходить было не холодно; такая же была постелена и в коридоре. Потолки, даром что дом деревянный, были повыше, чем в хрущевках.

— И сколько будет с меня?

— Недорого. Пятнадцать рублей в месяц всего-то.

— Пятнадцать?

«Это полтора рубля в день советскими. Если сравнивать с об-
щайгой — много. А сколько же, интересно, дикарем на юге стои-
ло в начале семидесятых? Рубль в день? Больше?»

— Но это же не койка, а целая комната! — сделала круглые
глаза Катя. — С электричеством и радиофицированная! Комму-
нальные удобства имеются — водопровод, раковина, ватеркло-
зет, пожалуйста! Веранда — летом на свежем воздухе сидеть!
Чистота и абсолютные санитарные кондиции гарантируются!
Соседи приличные, место тихое и спокойное!

«Ладно, — решил Виктор, — источник бабок пока есть, а ри-
сковать тоже нет смысла. Где-нибудь в сортире на улице подце-
пишь инфекцию, а тут даже антибиотиков не изобрели. Если
что — потом всегда успеем куда-нибудь съехать».

— Катя, вы меня убедили. Я пока сниму комнату на неделю,
а когда в течение этих дней прояснятся мои дальнейшие планы,
уже буду смотреть дальше. Вот вам сразу три с половиной вперед.

— Так я чаю соображу, — засуетилась Катя, — а то вы с доро-
ги, верно?

— У меня тут на ужин колбаса есть и хлеб.

— Так я пожарю вам с картошкой, и вообще давайте вместе
отужинаем, время уже подошло.

— А ваших не будем дожидаться?

— Да я одна живу. Муж мой покойный приказчиком работал
в магазине у паровозного — не тот, что Центральный, а что на
Губонина, бывшей Бежицкой, где когда-то была гостиница
Мурзина, знаете?

— Примерно, — ответил Виктор, хотя понял только то, что
это где-то в районе завода.

— Вот два года назад весной он пошел на рыбалку, а лед тон-
кий и треснул. Выбраться сумел, только вымок и воспаление
легких схватил, от него и скончался. В больницу его возили, но
ничего уже не могли сделать. Даже детей прижить не успела.

«Да, — подумал Виктор, — на местную медицину особо не
надо рассчитывать».

— А я сейчас при музторговле устроилась. Народ у нас музы-
ку любит, патефоны хорошо идут и особо пластинки. Патефон и
дома заводить можно, и на улице, и даже с собой на природу бе-
рут — иногда на Десну выйдешь, а парни девчат в лодке катают,
и патефон у них в лодке стоит. Только надо смотреть, что в за-
прещенные записи не попадает, а то конфискуют и убытков не

оберешься. А квартира на мне — при покойном муже купили у застройщика, — и что на меня одну три комнаты? Вот и сдаю.

— А замуж снова выйти не пробовали? Вы еще так молоды и красивы...

— Да хороших мужиков подруги расхватали... За лодыря или пьяницу самой неохота. Вот какого-нибудь вдовца присмотреть, чтоб солидный, уважал и денег не мотал. Даже и с детьми пусть будет. И молодого не обязательно, пусть лучше до того перебесится, чтобы за какой другой юбкой не потянуло. Вы пока располагайтесь, а я плиту растоплю.

Виктор приоткрыл окно, чтобы было не так жарко: комната находилась на солнечной стороне. Вдали, за крышами частного сектора, зеленели холмы правобережья Десны. «И купаться отсюда ходить не так далеко. Да, надо же умыться с дороги. А вечером продумать траты на первое время».

На кухне Катя в кухонном фартуке подкидывала мелкие полешки в плиту.

— А вот здесь, на кухне умойтесь. Раковина тут одна. Вот оно мыло на полочке.

— Катя, а вы не знаете, где здесь недорого бритвенный прибор купить можно?

— Так я дам вам сейчас бритву, безопасную. — Катя вытерла руки о фартук. — У меня она все равно без нужды лежит, а потом свою заведете. Стол после поможете на веранду вынести — чего в духоте сидеть в такую погоду?

На веранде они пили чай по-мещански: на столе кроме самовара и густого засахаренного крыжовенного варенья, которое использовалось Катей вместо сахара, стояла еще шкварчащая сковородка с картошкой на сале и принесенной Виктором домашней колбасой, распространяя аппетитные запахи. Виктор подумал, что надо ознакомиться с ценами на мясо и птицу и попробовать среди среднеобеспеченной части населения ввести моду готовить в саду шашлыки.

Катя вынесла маленький графинчик и стопочки.

— Давайте ради праздничка и за день вашего приезда.

— Спасибо, я вообще-то этим не увлекаюсь...

— И я тоже не увлекаюсь. Это домашняя наливка, легкая. Просто по капле для аппетита.

— Тогда другое дело, — согласился Виктор, подумав, что здесь, возможно, отказываться в таких случаях и не принято, — но только для аппетита.

— Да, и что же без музыки сидеть? Праздник же.

Катя на секунду упорхнула, и из дверей послышались звуки «Рио-Риты» в исполнении оркестра Марека Вебера. Виктор

вспомнил: когда выносил из гостиной стол на веранду, он приметил электропатефон и пластинки в шкафу; еще там стоял на комодe недорогой приемник в темном деревянном корпусе, похожий на немецкий «Фольксэмпфенгер-301». Катя вернулась и наполнила стопки до половины красноватой жидкостью.

— Ну, чтоб на новом месте хорошо жилось.

«Фор ю, Рио-Рита...» — дополнил тост оркестр Вебера.

Наливка оказалась смородиновой и действительно легкой.

«Прямо кино о довоенном времени».

— Мы тут с соседями за домом яблони посадили и вишни. Антоновку, за ней ухода мало надо. Потом свой крыжовник и смородину вдоль забора рассадим.

— Малину не думаете?

— Можно и малину. На варенье и домашнее вино.

Пластинка кончилась, и Катя побежала менять. Следующей записью оказался довоенный суперхит про цыгана, разбившего сердце. Вкусы населения, однако, мало менялись.

— Знаете, сейчас такие пластинки изобрели, где много записей и часто менять не надо. На тридцать три оборота. Только для них надо специальные электропатефоны, которые к приемнику подключают, для усиления. Говорят, такие уже подделать нельзя.

— А у вас что, пластинки подделывают?

— Еще как, так что надо смотреть, если берете. Вообще, если будете брать, лучше со мной посоветуйтесь.

— Ну так вообще-то и долгоиграющие можно подделывать. С помощью гальванопластики.

— А хотите еще наливочки?

— Нет-нет, спасибо, больше не надо.

— А вот вы говорили про эту гальвано... это что такое? Прямо не верится, что такую пластинку и можно подделать.

— Да точно так же, как и новые изготавливать. Тут главное — достать сырье для такой пластинки, например, винилит. А так — берется оригинальный фирменный диск, с него делается восковой слепок, затем покрывается токопроводящим слоем на основе графита, и на него гальваническим способом наращивается металл.

— Слушайте, как интересно! Ну прямо чудеса такие! А дальше расскажите.

— Ну а дальше этот металл и служит основой для матрицы, с которой можно штамповать точно такие же пластинки.

— Даже не верится! Слушайте, какой же вы образованный! Чайку, пожалуйста, еще. А вот как вот это все делается, с помощью чего, воск какой?

— Если интересно, могу подробнее рассказать, только, наверное, вам будут скучны всякие технические подробности.

— Ничуть! Вы знаете, в вас есть что-то такое... Когда вы говорите о всяких умных вещах, это просто завораживает. — И она взяла своей правой рукой его левую.

Глаза Кати просто горели, щеки покраснелись, грудь под блузкой выдалась вперед и неровно колебалась. «Интересно, это на нее наливка так подействовала или реакция на нового, необычного человека? Или женское любопытство такое?»

Виктор повторил техпроцесс более подробно, стараясь разъяснять популярно и доходчиво, на примерах кустарной технологической базы, доступной обывателю тридцатых. Катя просто поела его глазами и ловила каждое слово.

— Вы просто волшебник! — воскликнула она, когда он закончил. — А давайте за науку!

— Нет-нет, Катенька, пока хватит, я хотел по горячим следам сегодня написать еще несколько рассказов для редакции. Если это дело хорошо пойдет, я, пожалуй, могу надолго остаться.

— Пишите! Конечно, пишите! Когда вы рассказываете, просто голова кругом идет! Я еще потом вас спрошу, ладно?

— Конечно! Какие вопросы? Да, кстати, а как к Преображенской церкви пройти, или к храму Преображения... ну, в общем, к той, что при Губонине с каркасом из рельсов строили?

— А вы не слышали? Так снесли его, уж десять лет как снесли.

— Большевики, что ли?

— Да вы что! Какие большевики в двадцать восьмом?

«Так, значит, к концу двадцатых Советской власти уже не было...»

— И правда... Что это я? А что же такое случилось? Аварийное состояние или стихийное бедствие какое?

— Так вы этой истории совсем не слышали?

— Мне стыдно признаться в этом... В занятиях наукой я забывал даже про войны.

— Ничего! Зато много знаете такого, чего другим неведомо. А с церковью вот что случилось. Землю тут московские скупали — и под церковью этой тоже скупили, на снос. А на месте этом пассаж хотели строить, чтобы местные лавки все разорить.

— Да как же это? — воскликнул Виктор. Он понимал, что в переделе собственности при любом строе нет ничего святого, но в его реальности до сноса церквей в целях бизнеса не доходило. Хотя... если магнатам вдруг помешает церковь или даже собор, то почему нет?

— Да вот, выправили бумаги, что якобы эта земля им при-

надлежит, и в одну ночь снесли. Заводские и не выдержали. Чуть было до погромов не дошло, но фачисты народ остановили.

— И как же им это удалось? — спросил Виктор, который полагал совсем обратное.

— Сказали, что, значит, плутократия народ на бунт провоцирует, чтобы казаков вызвать, ну а их дело правое. И пошли организованно и заняли городское правление. Вон сама с окна видела, как мастеровые по всей округе в центр шли... Целый месяц новая власть была. Восьмичасовой рабочий день ввели, школы бесплатно сделали, рабочий клуб открыли... База бронепоездов на сторону народа перешла, на Бежице тяжелые бепо стояли, с вот такими орудиями, если вдруг войска пошлют на подавление. Главный у них тут был такой Белокодов, может, слышали...

«Ого! — мысленно воскликнул Виктор, вспомнив толстую книгу в библиотеке особняка Альтеншлоссера. — Так он, оказывается, еще и из Бежицы!»

— Потом, конечно, отдали власть, но с условием, что землю обществу вернут и новый храм построят. Ну активистов с Белокодовым, знамо дело, в тюрьму, а потом, как Великий Голод был и фачисты в Москве и Питере к власти пришли, так их выпустили, только они в столицу выдвинулись. А новый собор вы, верно, видели, он у городского сада стоит.

— Силикатный? Да. Потрясающе...

Глава 7 ШНЕЛЬ-БИДИН

Над Бежицей плыли сиреневые сумерки. В глубокой стеклянной синеве неба багровели высокие, подсвеченные уже исчезнувшим солнцем, облака. Где-то недалеко начал репетировать соловей. Вечер не приносил пролады: воздух, поднимающийся от нагретой, как камни в сауне, земли, был все тем же густым и жарким.

Виктор уже ожидал, что здесь, на веранде, они будут сидеть с Катериной до темноты, но та спохватилась и начала относить посуду в дом. Виктор помог; на одном из заходов, как только он занес стол в гостиную и повернулся к двери в коридорчик, откуда вылетела Катя и по инерции столкнулась с ним; чтобы она не упала от неожиданности, он ухватил ее за плечи.

Катя подняла лицо, их глаза встретились. Взгляд Катерины сиял какой-то неожиданной нежностью; рубашку Виктора прожег жар ее слабеющего тела... но в тот же момент она взяла себя в руки и осторожно отстранилась.

— Ну — сказала она, — для первого дня знакомства это слишком много.

Она повернулась к красному углу, где посреди идеально чистеньких рушничков висели иконы, и перекрестилась.

— А вы бы не могли мне приемник посмотреть? А то он у меня не включается.

Приемник действительно оказался трехламповым «фольксэмпфенгером» середины тридцатых, но российской сборки. Для снижения цены он был упрощен по схеме донельзя в прямом смысле слова. То есть до того, что громкость в нем приходилось регулировать изменением обратной связи и перестановкой антенны из одного гнезда в другое на боковой стенке, так что пользоваться им было едва ли не сложнее, чем компьютером.

Понятно, подумал Виктор. В тридцатых в СССР для ускорения выпуска ширпотреба для многих бытовых приемников использовали решения американской фирмы RCA, здесь же дружба с немцами — значит, и решения немецкие.

На стене рядом с приемником, возле грозопереключателя, Виктор заметил приклеенную красную открытку с двуглавым орлом наверху. На открытке был записан номер аппарата и отпечатано предупреждение, что слушание антигосударственной пропаганды строго карается законом. Хотя, если изошртиться и сделать наушничек, цена этому предупреждению будет не больше, чем варнингу на первой странице порносайта. Вопрос был лишь в том, а чего такого ему, Виктору, в его положении сможет дать эта пропаганда.

— Почти двадцать пять рублей отдали! — сокрушалась Катя. — А вот заглох, радисты сейчас — сами понимаете...

Виктор не понимал, но на всякий случай кивнул.

— Как стали приемники разбирать, так и не найдешь радиоста. На дом звать — это такую цену заломят, что несколько раз придет, и дешевле новый взять. К радисту нести — у них заказов куча, он так и будет стоять, неизвестно когда починят. У них же, у радистов, какие клиенты! Суперы чинят, телефонкены, дальновизоры. А вы уж посмотрите. Может, там что такое, чего особо и чинить не надо.

— Конечно, посмотрю. Если с лампами что, то это, конечно, искать надо, а если... Короче, обещать не могу, но может быть.

— Уж вы посмотрите, — повторила Катя. — А то двадцать пять рублей отдали. Вот хвалят те, что ВЭФ делает, но их разве что в Питере достать можно. РЭТ делает телефонкеновские, но дорогие. Вот основал бы кто-нибудь у нас в Бежице радиозавод...

Виктор вставил штепсель в розетку, нашел выключатель — он оказался, как у системника, на задней стенке и представлял

собой кнопку, как у настольной лампы, — и пошелкал ею. Шелчки слышались и в динамике. «Так, питание на схему идет...» Он достал недавно купленный в своем времени универсальный складной наборчик инструмента, который носил на поясе, и отвернул сзади дырчатую картонку — все лампы грелись. «Ну, если нет потери эмиссии, то, скорее всего, где-то контакт. Ломаться тут особо и нечему. Три лампы всего, да и то одна выпрямителя».

— Тряпочка у вас найдется? А то пыли много...

Он выключил приемник, отсоединил антенну и заземление («Прямо как системный блок отсоединять... И размеры те же»), вынул шасси и заглянул в подвал. Потрогав провода, он нашел отпаявшийся — от согласующего трансформатора к сетке лампы. По счастью, в наборчик входили пассатижи, так что Виктор, замотав проводник на ножку ламповой панели, раскалил в печке гвоздь и подплавил припой.

— Ну-ка, попробуем...

Он шелкнул выключателем и стал манипулировать рукоятками. Немного посвистев, «фольксэмпфенгер» заорал бодрый фокстротик из «Привет и поцелуй, Вероника!». Правда, качество звука — то ли от обратной связи, то ли от дешевого электромагнитного громковорителя — недалеко уходило от патефонного. Хотя, если сравнивать со встроенными динамиками мобил, то уж лучше это.

— Умничка! — воскликнула Катя и, нагнувшись к Виктору и обхватив его шею руками, страстно его поцеловала. — Берлин ловит! А что там было?

— Драйвер слетел, — не моргнув глазом, сказал Виктор, — я переустановил.

— Вот молодец! А для меня все эти драйвера, пентагриды, термоформеры, пушпулы, гридлики, негадины и шнель-бидины — просто китайская грамота.

«М-да. Если бы я тоже помнил, что у них называлось шнель-бидин...»

Дальше «умнички» и поцелуя их отношения, однако, не зашли. Из сада донеслись порывы ветра, а наступившие сумерки за окнами озарялись приближающимися зарницами: надвигалась гроза. Катя пошла на веранду снимать белье с натянутых под крышей веревок. Виктор прошел в свою комнату, не зажигая света и глядя в незанавешенное окно на вспышки молний у горизонта, сел на стул и принялся обдумывать ситуацию.

Оно конечно, для приключенческой повести хорошо, когда главный герой прибывает в иную реальность, где царит фашистский режим, и тут же вступает в борьбу с несправедливостью, а

не распеваает лирические песни с представителями этого режима, пытается быть этим режимом востребованным в целях личной выгоды и принимает заигрывания молодой вдовы. Однако в иной действительности с реализацией благородных целей имелись некоторые проблемы.

Во-первых, смерть от истощения под забором на борьбу с режимом никак не тянула. А это значит, что волей-неволей надо было решать вопросы заработков и жилья как минимум, а дальше — вопросы бытовых мелочей и одежды на сезон осень — зима 1938/1939.

Во-вторых, надо было выяснить, в чем здесь несправедливость и как с ней бороться. И с этим дело обстояло пока довольно сложно. Насколько он понял, в конце двадцатых был передел в среде местной буржуазии, и она, буржуазия, попирала всякую справедливость, а фашисты смогли на этом сыграть и выглядеть как раз этими самыми борцами с несправедливостью. Причем белые, задавив красных, не только полностью расчистили фашистам дорогу, устранив соперника, но и дали возможность единовластно пользоваться социал-демократическими лозунгами.

Потом фашисты пришли к власти в результате экономического кризиса, именуемого здесь «Великий Голод». А это значит, что в них были заинтересованы как представители бизнеса разного калибра (ибо боялись революции и экспроприации), так и бедные слои населения (ибо не хотели помереть от голода). Экономика в России пока выправилась, а это значит, что и менять систему неизвестно на что здесь мало кто захочет. Опять же репрессии части населения, хотя бы за слушание подрывной пропаганды, здесь будут воспринимать как меньшее зло по сравнению с поголовными муками голода. А значит, считать справедливыми.

В-третьих, и жертв режима пока Виктору не встретилось. Не отнестись же плохую пайку к нарушению прав и свобод. С другой стороны, красная карточка с орлом, по меркам демократии следующего столетия, конечно, посягает на свободу информации, но, похоже, Катерину это как раз совершенно не колышет.

В итоге Виктор пришел к предварительному выводу, что он, скорее всего, попал сюда в неудачное время. Рассудив таким образом, он встал, повернул выключатель, положил на стол листы писчей бумаги и принялся сочинять рассказы для «Губернского голоса». После второго он почувствовал, что смертельно вымотался за этот день и не может больше записать ни фразы. «Ладно, за вечер тридцать советскими — это тоже ничего... все равно что на пивзаводе вагон соли разгрузить», — подумал он, разделся, погасил свет и лег спать.

Глава 8

«ЗДЕСЬ ВАМ НЕ ТУТ»

Свежевымытое утро встретило Виктора пением петухов, солнечным зайчиком на стене и чистым осколком небесной синевы за оконными стеклами, мятыми, как будто их только что раскатывали скалкой. Такие стекла в своей реальности он встречал в старом корпусе БГТУ. Через раскрытую форточку проникали родившаяся после ночной грозы свежесть и неистребимый запах цветущего под окнами жасмина. «Вот почему им не надо было дезодорантов...» В общем, было такое ощущение, словно он где-то если не в загородном санатории, то на турбазе.

Виктор включил радио в розетку, предварительно удостоверившись, что это именно радиорозетка, а не сетевая (интересно, почему их сразу не сделали разными?). Репродуктор заорал утреннюю зарядку. Виктор хотел уже было уменьшить громкость, но вспомнил, что ручка в середине «тарелки» — это регулятор не громкости, а установки стальной пластины посередине между полюсами магнита. «Блин, у нас Линукс Убунту проще поставить, чем тут динамик... Обживусь — надо подумать, из чего регулятор громкости сделать».

После зарядки, пока Виктор одевался, репродуктор наигрывал кавер немецкого фокстрота «Когда я весел, я пою», который по окончании сменил оригинал нового немецкого же хита «Звезды сиянье». То, что при официальном славянофильстве (если считать взгляды штабс-ротмистра типичными) на радио чувствовалось столь явное засилье иностранщины, Виктору показалось несколько странным. То ли император (а кстати, он здесь император или как его там? Надо узнать) был германофилом, как и Николай 2.0 (в этой реальности тоже покойный? О нем что-то ничего не слышно), то ли пресловутая дружба со стратегическим инвестором, то ли прогерманское лобби на радио (почему бы и нет? непохоже, чтобы здесь всех отучили любить бабки), то ли еще что-то, о чем Виктор даже не догадывался. И еще: непонятно, почему при этом славянофильстве такое русофобство по части прессы. Почему здесь русский ученый не может сделать великое открытие даже в фантастическом очерке?

Стоп, а не связано ли это? Если и связано, то пока неясно как...

Кати не было. На кухне на столе Виктор обнаружил записку: «Блины в кастрюле на плите, варенье в столике, кушайте, я для вас напекла».

«Ну будем считать, что я заработал это как специалист по железу...»

На улице после вчерашней грозы еще стояли лужи, и Викто-

ра спасало только то, что деревянные тротуары были уложены на бревнышки, поднимавшие доски значительно выше уровня грязи, а мостовая была отделена от тротуаров канавой с лопухами, куда и шлепалась грязь из-под колес изредка проезжавших небольших угловатых автобусов, мест этак на пятнадцать, без указателей маршрута, но с надписью «Автокомпания Фартисова» и табличками «Стальзавод—Соборная пл.» и «Стальзавод—Вокзал». «Маршрутки», — подумал Виктор. Цокали пролетки, неторопливо ехали ломовые телеги, и время от времени фырчали грузовики. В основном это были ярко-зеленые полуторки, похожи на довоенные газовские из реальности-1, реже попадались опелевские — небольшие, красно-кирпичные, то ли на одну, то ли на полторы тонны, и новенькие темно-синие мощные трехтонки, которые из-за своей заводской свежести казались Виктору какими-то экспонатами для киносъемок.

Вообще он заметил, что если в 1958 году автомобили воспринимались как-то свежо, оригинально и даже почти не выходили из общего ряда восприятия машин двадцать первого столетия (тюнинг бы еще некоторым сделать — и были бы вообще клевые тачки), то здесь он постоянно чувствовал себя как в музее или историческом кино. Вроде «Блефа» с участием Челентано, только кепочки не хватало.

Еще в глаза бросалось обилие даже для не слишком оживленной улицы столбов и проводов — осветительных, телефонных и радио. Было уже часов девять, и народу навстречу попадалось немного — видимо, основной поток на смену уже прошел. Дети носились босиком по лужам — и здесь опасность быть обрызганным была гораздо выше, чем от машин.

На Губернской его неожиданно поразили тележки мороженщиц и продавщиц газировки. Повяло от них чем-то родным, из старых фильмов. А вот мальчишки-газетчики и девушки-папиросницы, наоборот, выглядели чрезвычайно экзотикой.

Тут же при переходе улицы ему дорогу пересек огромный желтый автобус — двухэтажный «Бюссинг», с выступающим далеко вперед, как морда крокодила, капотом мощного двигателя, высокими, в половину его роста, колесами и двойным задним мостом. Народу внутрь набилось довольно много, а спереди висела цифра «3», обозначающая номер маршрута. В какую бы реальность ни попал Виктор, в Бежицу ходила «тройка»!

— «Губернский голос»! Купите свежие новости! Новые решения властей! На Дальнем Востоке разоблачена сеть японских агентов! Побег обер-полицмейстера Уссурийского края, ведутся розыски! Новый рекорд самолетов Хейнкеля! Знаменитая певица Элеонора Малковская обвенчалась со своим импресарио!

Недостойное поведение звезды экрана Лизаветы Бурадо! В Вологодской области снова видели человека-паука! Гвоздь номера — фантастический рассказ про телефон будущего!

«Интересно, в редакции дадут авторский экземпляр? А впрочем, раз дали гонорар, можно не жмотничать. Заодно и про их систему почитаем».

Он подозвал мальчишку и дал ему мелочь.

— Спасибо, барин! Спешите брать свежие новости! Тираж ограничен!

На последней странице действительно был его рассказ, практически без сокращений, а также приделано интервью с автором, которого он не давал; интервью и было снабжено фоткой. Виктор понял, что его раскручивают. «Новый, но уже ставший известным своими произведениями...» « — В чем цель вашего таинственного визита в Бежицу? — Именно этому городу надлежит сыграть некую роль в мировой истории, о которой сейчас практически никто не догадывается...» Ладно, протестовать не будем. Посмотрим политику.

С чего начнем? Название, название в первую очередь. Название общественно-политической газеты, ее лозунг, ее основатели часто характеризуют не только ее читательскую аудиторию, но и общественную систему... «Губернский голос», чуть выше — «За Русь Святую!». «Орган Бежицкой губернской организации партии Святой Руси, Бежицкого губернского Собора и Бежицкого Губернатора».

Орган Собора — это, надо понимать, не того, что у парка, а типа собрания представителей. Офигеть. Как все знакомо. «Орган обкома КПСС, областного Совета депутатов трудящихся...» Белые воспроизвели советскую однопартийную систему.

А может, она вовсе не советская, а такая, что просто стихийно складывалась в период войн и революций? И кто бы ни захватил власть, в конце концов к тому бы и пришел?

Что там дальше на первой? «Государь Император Владислав Александрович...» Во, как Третьяк прямо. «...Посетил строительство крупнейшего в мире металлургического комбината...» Естественно, большой портрет. Чего же он там сказал? «Нельзя допускать, когда старые и признанные специалисты запираются в скорлупу жрецов, монополистов... Молодежь должна иметь смелость ломать старые традиции и нормы, когда они превращаются в тормоз, она не может быть рабой общепринятых шор, она должна создавать свои, новые нормы и традиции, несмотря ни на какие препятствия... Часто новые пути прогресса прокладывают новые, доселе неизвестные люди, практики, новаторы

дела...» Хм, значит, у них инновационный застой наблюдается? Интересно читать императоров между строк.

А еще чего нового в передовицах? «Добить вражеское охвостье в партии». Да... Какой — не пишется, значит, одна партия. «Политически обанкротившиеся и вконец разложившиеся руководители за пособничество врагам империи и чуждым элементам с позором изгнаны...»

Хорошо, что не пожалел мелочи на газетку. Разборки у них в этой самой соборной партии. Будь осторожен, будь осторожен... Здесь вам не тут. Надо изучить, кто кого опустил.

«...Проявили нетерпимую политическую беспечность и проглядели особые методы работы врагов империи через разложение...» Через что, через что? И чего надо не делать, чтобы нечаянно кого-то не разложить? В смысле не попасть под сигнатуру вируса и не быть удаленным?

«Пытались сорвать борьбу с проникшей в партию агентурой большевизма...» Ну это общее, а вот расшифровывается: «...Продолжали самодурствовать, брать взятки, расхищать и растрачивать казенные средства, допускать брань и рукоприкладство, устраивать под видом мероприятий пьянки и непристойные оргии...» — так это что, репрессии коррупционеров, что ли?

А почему бы и нет? Как там у Льюиса Кэрролла в «Охоте на Снарка»?

Факт измены бесспорен с любой стороны,
Подготовка к свержению — возможно,
Но ведь нет никаких доказательств вины —
Поросенка в банкротстве подложном!¹

Доказать взятки, коррупцию, вообще хозяйственные преступления, а тем более злоупотребления властью, — ага, попробуй, особенно если этим охвачена вся государственная власть сверху донизу. А вот в их условиях измену навесить — что два пальца об асфальт. Правда, так можно под эту гребенку и любого забрать, чья физиономия не понравится. Хотя народ в целом будет доволен, поскольку и всяких уродов-оборотней во власти шерстят.

Рассуждая так, Виктор не заметил, как подошел близко к репродуктору, из трубы которого весело вылетали звуки фокстрота «Счастья дни вернулись к нам».

— Не желаете ли мороженого, сударь? — спросила у Виктора

¹ Перевод О. Измерова.

молоденькая продавщица, пристроившая у того же столба коляску-ледник. — Сливочное, кофейное, крем-брюле?

— Нет, спасибо. Что-то прохладно тут у вас.

— Так это солнце за облачком. А сейчас жара начнется — не приведи господь. Купите мороженого...

Что там дальше? «Кумовство и порука», «зазнайство, самодурство, бюрократизм», «лицемерно прикрываясь Священным Писанием, поощряли хулиганское отношение к интеллигенции...». Религиозное мракобесие, что ли, развели? Не поэтому ли изобретатель в рассказе не может быть русским? Надо уточнить. Так, ну дальше уже риторика: «разоблачить и добить всех красных последышей», «разгром и полное выкорчевывание», «руководствуясь Словом Божиим»... ну, в таких случаях любая директива сверху — для угодливых исполнителей слово божье.

Ладно. Что еще в горячих новостях. Перелет Москва—Владивосток на новом самолете Хейнкеля, выпускаемого в России. Новости с дрейфующей полярной станции. Государь император выступил в опытной передаче катодного дальновидения высокой четкости в Москве; специалисты отмечают, что изображение не уступает кинематографическому и в ближайшем будущем каждый житель Российской Империи получит возможность лицезреть любимого монарха у себя дома. Спущен на воду линкор «Святая Русь», первый корабль новой серии. «Смелыми действиями жандармерии Его Величества стерты с лица земли кровавые большевистские вампиры... окончательно выкурить всех шпионов, диверсантов и вредителей из потаенных нор и беспощадно их уничтожить...» Это из статьи про побег обер-полицмейстера. Тоже понятно: такой солидный чиновник в перебежчиках — крупный ляп, вот и ставят дымовую завесу. «Кровавые вампиры» — это класс; типа тут молодежь тоже мистику любит.

Так же скупко сообщалось о разгроме частями особого назначения нескольких крупных банд на Кавказе и в Туркестане. Из того, что сей факт старались не выделять, можно было сделать вывод, что разгром банд в этих регионах продолжался дольше, чем планировали власти.

Местная политика располагалась в нижней половине страницы и была практически полностью представлена рапортами чиновников о работе губернских учреждений. Рапорты можно было поделить на две категории: сообщения о мероприятиях — совещаниях, деловых поездках, встречах, приемах и прочее, — из которых, впрочем, нельзя было понять, какая польза была извлечена из сей бурной деятельности; и статистические сводки, по которым, при обилии цифр о наличии койко-мест в больницах и объемах заготовок сельхозпродукции оптовиками, сде-

лать какой-то вывод о состоянии дел мог только специалист. Здесь же располагалась и колонка с разъяснениями митрополита по разным вопросам — в частности, устройство громоотвода называлось угодным Богу делом, ибо надо отличать гром небесный, как гнев Господень, от поражения небесным электричеством в результате козней дьявола... и так далее.

Вторая страница была заполнена разнокалиберными губернскими новостями, не имеющими отношения к политике, — от прокладки водопровода по улице Базарной в каком-то уездном центре до объявлений о театральных премьерах. Страницы третья и четвертая оказались забиты светской хроникой, проще говоря — о чем судачат бабы у колодца: кто с кем сошелся-разошелся, кто про кого и что сказал; давались различные полезные советы и рецепты, а также тексты молитв на разные случаи жизни. Все это перемежалось рекламой, среди которой особенно назойливой была реклама средства «Эректонус», назначение которого было видно из названия.

«Тьфу, и тут спам про виагру...»

На последней странице помимо рассказа Виктора поселились мелкие объявления, программы радио и телевидения (в газете было: «дальновидения»), афиши театра и кино, а также был фельетон о состоянии радиофикации в Боровке, где в клубе «Цементник» никак не отремонтируют поломанный дальнозор. Последнее обстоятельство как-то сгладило впечатление Виктора от «кровавых вампиров».

Вспомнив о конной статуе, он решил осмотреть ее поближе. Вопреки вчерашнему предположению, это оказался памятник не Пересвету, а князю Роману; отлит он был из чугуна, в правой руке князь держал поднятый к небу меч, а левой придерживал чудотворную икону, которую привез для основания Свенского монастыря.

В редакции на Преображенской Бурмина с утра не оказалось, зато на месте была Анфиса — невысокая девушка с осветленными короткими, зачесанными назад волосами. Одета она была по случаю жары в платье для игры в теннис, по общему стандарту времени длины миди, что компенсировалось тем, что сверху были хорошо открыты спина и грудь; посмотреть у Анфисы там было на что. От полного топлес Анфису спасали крупные бретели, похожие на звенья цепи, а определенную строгость столь вольному началу придавал широкий белый поясик и два широких диагональных кармана с крупными, как пальтовыми, декоративными пуговицами ниже него. Выщипанные и подведенные несколько выше темным карандашом брови в виде изумленной дуги казались непривычными, но здесь были в

порядке вещей. Девушка приняла у Виктора оба рассказа и сообщила, что после обеда он может зайти насчет гонорара. Делать дальше было нечего, и Виктор осведомился, где можно найти Краснокаменную, под предлогом попросить у нее свою фотку.

— А она тоже после обеда будет, — ответила Анфиса, — сейчас она на Арсенале, снимает встречу партактива Святой Руси с рабочими.

— Ну это святое дело, — согласился Виктор, а про себя подумал: «Чтобы утро не пропадало, надо бы в институт заглянуть. Интересно, как там в тридцать восьмом?»

— Да, Аркадий Иванович просил вам пробные карточки передать — если нормально, то большие сделают.

Пробные карточки оказались размером примерно с фотку на советский паспорт; видимо, сэкономили бумагу.

— Конечно, пойдет. Большое спасибо! — ответил Виктор и отправился навестить знакомый вуз.

Глава 9

ПОЛЕТ НАД ГНЕЗДОМ ВАМПИРОВ

— Сударь! Не подскажите ли, где здесь Бежицкий институт? Виктора окликнула дама с кружевным зонтиком, сидевшая в легкой двухместной коляске-одноколке.

«Интересно. А возница что, не знает? Это же рядом».

— Знаете, мы из уезда приехали, и Иван Никодимыч тут тоже не в курсе...

— Тут рядом. За угол налево и метров триста, слева будет такое длинное красное здание. Улица...

Тут Виктор вспомнил, что улица за углом здесь никак не может называться «50-летия Октябрьской Революции». Бежать за угол и смотреть название не хотелось. Сказать, что там поперек еще Институтская? Так ведь Институтская здесь тоже может быть не Институтская...

— ...Карачевская. Вот за поворотом езжайте, там сразу Красную Казарму увидите, это и есть институт, прежде там гимназии были, — подсказала проходившая мимо женщина.

«Карачевская, значит. Это в честь чего?.. А в честь чего Орловская, Харьковская, Ростовская, Калужская, Клинцовская, Витебская? Кромская и Болховская? Жиздринская, Коломенская, Тульская, Саратовская, Самарская, Черниговская?»

Ему вдруг стало ясно, что часть улиц в дореволюционной Бежице была названа безо всяких особых исторических корней;

просто сделали план и обозвали улицы по городам. Точно так же, как стандартные советские названия в районе за линией — Коммунистическая, Коммунальная, Мира, Нахимова, Маяковского, Кирова, Азарова, или вот Цюрупы... Более того, советские переименования, наоборот, даже порой вносили в атлас старой Бежицы какое-то разнообразие. Конечно, были и исключения — к примеру, Почтовая, Доменная или Угольная с Лесной.

«Так что, Бежица еще при царе была соцгородом? А почему нет? Построил Губонин завод в глухой тайге — то есть не в тайге, конечно, но в глухом лесу, а при заводе возник город. Соцгород и есть. А может, и весь капитализм в России естественно шел к совку?..»

Красная Казарма, как называли в народе Старый корпус, естественно, оказалась на том же месте, и в ней, вопреки первоначальным опасениям Виктора, не оставили гимназии. Только вот назывался храм науки почему-то Бежицким технологическим институтом.

Причину Виктор быстро понял по стоявшей неподалеку от центрального входа доске объявлений. Из специальностей там было «Металлорезание», «Сварка», «Обработка давлением», «Литье», «Технология и организация сборки» и «Нестандартное оборудование». Кроме проектирования нестандартного оборудования конструкторских специальностей не было — ни вагоностроения, ни тем более локомотивостроения или динамики с прочностью.

«Как же они без конструкторов?» — удивился Виктор и хотел было зайти в знакомые двери, но какое-то мрачное предчувствие его остановило. Вместо этого он не спеша пошел вдоль Старого корпуса, который, впрочем, в это время еще мог считаться достаточно новым. Когда он дошел до длинного деревянного заборчика с воротами, путь ему преградила опелевская полуторка, из кузова которой торчала колесная пара с обломанной наискось осью — точно такая же, с которой он разобрался в реальности-2 благодаря тому, что в реальности-1 с ней разобрался Лысак. Правда, немного побольше: колесо в диаметре этак миллиметров девятьсот. «Это судьба!» — мелькнуло в голове у Виктора, и ноги сами собой понесли его в ворота вслед за грузовиком.

Во дворе института яблони еще не были посажены, и было достаточно пыльно и пусто. Возле котельной виднелись горы угля. Вообще двор института оказался довольно небольшим, а на территории, где позднее разместятся лаборатории, лесопилка и военная кафедра, за забором виднелись казармы из красно-

го кирпича, надстроенные бревенчатыми срубами до второго этажа.

Грузовик подогнали к вделанному в стену консольно-поворотному крану, выкрашенному в красный цвет, очевидно, краской, применяемой на заводе для паровозного движения¹, и с помощью ручной тали, гремящей длинными цепями, сгрузили останки на землю. На колесной паре помимо колесного центра с бандажом виднелось коническое зубчатое колесо с остатками смазки.

«Судя по длине обломка — колесо в узле колебаний. Оттого и не гасит. Классический случай...»

Виктор надеялся, что на консилиуме будет кто-нибудь из известных ему отцов-основателей вуза, и он, так сказать, соприкоснется с живой историей, а может быть, даже и найдет способ передать приветствия и искренние благодарности потомков. Однако собирался народ незнакомый, в белых кителях и с вузовскими значками на лацканах; Виктор постепенно стал чувствовать себя здесь белой вороной. Заводчанин, парень лет тридцати, также был в кителе, только расстегнутом.

— Виктор Сергеевич, я не ошибся? Леонид Георгиевич Козинко, доцент кафедры сварки. Господа! Нас посетил тот самый фантаст Еремин!

Надо сказать, что неожиданная слава в этой ситуации вовсе не обрадовала Виктора. Фраза Козинко как-то ассоциировалась в его мозгу с фразой «тот самый Мюнхаузен». А в фильме с этим названием героя знали-то хорошо, но вот согласиться с ним не очень спешили. Тем не менее Виктор смущенно ответил на приветствия, сказав в частности, что одна из целей его приезда — увидеть тот самый Бежицкий технологический, в котором создают такие чудеса, которые фантасты даже и не могут себе вообразить. После обмена любезностями ему, естественно, разрешили поприсутствовать на консилиуме и даже разъяснили, что это было колесной парой опытной скоростной автотрисы, изготовленной Радицким вагонзаводом. «Хм, опять там же?» — мелькнуло у Виктора в мозгу.

Подробности обсуждения вряд ли были бы интересны читателю; сводилось же оно к тому, почему металл оси, несмотря на завышенные запасы прочности, оказался столь непрочным при действии касательных нагрузок, которые по расчетам должны быть невелики.

— А вы образцы металла на кручение испытывали?

¹ Ряд движущихся частей экипажной части паровоза раньше назывался движением.

— А как же! Все соответствует! — горячился представитель завода. — На усталостную прочность, чтобы такой излом был, надо напряжения одну тысячу шестьсот килограммов на квадратный сантиметр. А откуда они здесь? Вот, — обратился он уже к Виктору, — вот где настоящая фантастика и загадки природы! Это что-то с межкристаллитной структурой творится, не иначе!

— Кстати, о фантастике, — воспользовался брошенным словом Виктор, — автомотриса в эксплуатации часто боксовала?

— Частенько. Вот дают для разгона сразу газ побольше, она и срывается. Аж вой в салоне слышен. Только какое это имеет отношение к металлу? Тут практика нужна, специалисты...

— Воеет, говорите? Это хорошо.

— Чего же тут хорошего?

— Вой, о котором вы говорите, — это колеса, скользя по рельсу, начинают колебаться навстречу друг другу, как струна, по которой скользит смычок, и закручивают ось. Напряжения при таких колебаниях вполне достаточны, чтобы ее сломать.

— Да? Это вы что же, хотите сказать, что конструкторы завода Шкода, у которого купили лицензию на привод, совсем безграмотны?

— Они просто с этим не сталкивались. Это новое явление. У паровозов такие колебания не развиваются из-за ударов во втулках движущего механизма, у электровозов — из-за ударов в шестернях, которые стоят близко к колесам. Здесь же зубчатое колесо в середине, и когда колеса колеблются в противоположные стороны, она неподвижна и ничего не гасит...

— Да вы просто ничего не понимаете в механике!

Виктор произвольно хмыкнул:

— Ну уж если я вот тут не понимаю...

— Да, вы! Вы что, работаете сейчас инженером на заводе? Носите китель и вузовский значок?

— А что, ось разбирает, кто из нас в кителе?

— Господа, не ссорьтесь, — вступился Козинко, — полагаю, что в нашем отчаянном положении не стоит пренебрегать мнением самоучек.

— Вот именно — самоучек! Безответственных самоучек, которые строят из себя пророков и изрекают истины, считая всех конструкторов Шкоды дураками! А заодно и тех, кто посоветовал заводу купить привод этой всемирно известной фирмы!

— Не вы посоветовали?

— А идите вы... Может быть, ваши фантазии через полвека поймут, а здесь нужны практики-специалисты!

— Через двадцать точно поймут. Флаг в руки!

Виктор повернулся и хотел уйти, но столкнулся лицом к

лицу со штабс-ротмистром Ступиным. Как-то он незаметно сзади подошел.

— Не спешите. Что вы предлагаете, чтобы у нас была опять колесная пара, а не скрипка?

— Или сместить зубчатое колесо в сторону от центра, или сделать одну половину оси толще другой. В любом случае это колесо начинает колебаться, и от ударов в зубьях энергия колебаний рассеивается.

— То есть как модератор в пианино?

— Примерно.

— Да это не будет работать! Кто, кто видел эти колебания?

— Господа, я предлагаю что-то вроде дуэли, — поднял руку вверх Ступин, — на заводе внедряют ваше, Виктор Сергеевич, предложение, и если поломка и после этого будет иметь место, вы получите примерно лет десять каторги за вредительство и саботаж. Если поломки прекратятся — десять лет получит господин Доробейцев, который так рьяно защищал конструкторов Шкоды. Согласны?

— Идет, — согласился Виктор, — пусть сам металл нас рассудит.

Штабс-ротмистр несколько удивленно посмотрел на него.

— Виктор Сергеевич, а вы хорошо представляете себе, чем рискуете?

— А вы хорошо представляете себе, чем рискуют те, кто будет ездить на этой мотресе?

— Да, — сухо ответил Ступин, — несколько лет назад моя семья погибла в крушении под Лозовой, по пути в Ялту. А как господин Доробейцев? Готовы принять вызов?

— Извините, — вмешался Виктор, — мне кажется, коллега просто погорячился. В научном мире это часто бывает.

— Может быть. Вам легче разобратся в *вашем* мире. Но мне хотелось бы послушать представителя завода.

— Знаете, — произнес тот задумчиво, — я попробовал посмотреть на предложение господина Еремина, так сказать, со второго взгляда... Что-то в этом есть, и как один из вариантов на всякий случай стоит проверить.

— Ну что ж, господа, — подытожил Ступин, — если иных возражений нет, я, с вашего позволения, вас покидаю. А вы, Виктор Сергеевич, зашли сюда к кому-то?

— Если честно, — нашелся на ходу Виктор, — меня в первую очередь интересовал читальный зал. Для рассказов необходимо все время узнавать о новинках науки и техники.

— Библиотека тут хорошая, я сам часто ею пользуюсь. К сожалению, на время летних каникул она закрыта. Кстати, мне

как раз сегодня дали задание разбираться, не являются ли вот эти самые поломки вредительством, и ваша версия о том, что это неизученное явление, принята к рассмотрению.

— Да, это здесь вряд ли могли знать раньше, потому что исследования требуют электронной тензометрической аппаратуры. Конечно, здесь в принципе можно и кустарным путем изготовить проволочные датчики требуемых размеров, измерительный мост и усилитель тока на лампах, но когда в институте только технологические специальности...

Они направились к выходу из института, оставив консилиум ломать головы дальше.

— Знаете, Виктор Сергеевич, наша система, наверное, была бы идеальной, если бы не дураки. Интересно, у нас система делает дураков или дураки — систему? Как вы полагаете?

«Ого! Провокационные вопросы пошли. Нельзя быть слишком умным...»

— Я думаю, что надо до конца выкорчевать последышей вражеских агентов, которые пытаются разложить наши ряды глупостью, — с невозмутимым видом произнес Виктор и, заметив удивление на лице штабс-ротмистра, добавил: — Так, по крайней мере, в газетах пишут.

— Решили перейти на передовицы? А у меня как раз к вам будет просьба, связанная с вашей писательской деятельностью.

«Доносы, что ли, писать сейчас предложит?»

— Знаете, обычно если представители интеллигенции складывают в уме слово «жандармерия» со словом «писать», у них в равенстве почему-то получается «доносы». Если вы тоже об этом подумали, то вы ошиблись. У нас есть служебная газета, которую не выносят из учреждений, и я хотел бы вас попросить написать какой-нибудь фантастический рассказ и для нее. Что-нибудь про шпионов и диверсантов будущего и про то, как их ловят.

— Интересная тема. Надо будет попробовать обязательно.

— Конечно, попробуйте. Тем более что гонорары у нас больше, чем у Бурмина.

— Бурмин говорил, что у него самые большие гонорары...

— Ну откуда ему знать? Это закрытые сведения, как и вся финансовая деятельность жандармерии.

— Понятно. А кому у вас занести рассказ?

— Да тому же Бурмину. Рукопись запечатаете в почтовый конверт и отдадите ему лично в руки. Когда будете отдавать, скажете: «Вы просили двести строк для криминальной хроники».

— «Вы просили двести строк для криминальной хроники». А отзыв?

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	5
Часть первая. В АТМОСФЕРЕ СТРАХА И ЖАСМИНА	6
Часть вторая. НЕПРАВИЛЬНЫЕ ПЧЕЛЫ	158
Часть третья. РАСШАРЕННАЯ АМЕРИКА	313